

2281
22978
Gen. Fund
#291

САМОДЕРЖАВІЕ.

(Опытъ схематическаго построенія этого понятія.
Приложеніе къ сочиненіямъ А. С. Хомякова.
Римъ 1899 г.)

Д. Х.***

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. М. Машистова, Большая Садовая, соб. домъ.
1905.

Сочиненія и изданія С. Ѳ. Шарапова.

Контора въ Москвѣ, Скатертный пер., д. Муромцева.

Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 неизданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб. 1895. Печатается второе исправленное и дополненное изданіе, которое будетъ разослано бесплатно **годовымъ** подписчикамъ журнала „Пахарь“.

Содержаніе книги: I. Нравственныя условія русскаго хозяйства. — II. Союзъ барина и мужика. — III. Основные законы питанія растений (Краткій курсъ земледѣльской химіи). — IV. О машинахъ и орудіяхъ. — V. Скотоводство, его цѣли и обстановка. — VI. Нѣсколько словъ объ огородѣ. — VII. Садоводство и условія для его успѣха. — VIII. О зимнихъ работахъ, администраціи имѣнія, о постройкахъ и пр. — Заключение. **Цѣна 1 рубль.**

Бумажный рубль. Его теорія и практика. Изслѣдованіе. Спб. 1895.

Содержаніе книги: Научные законы бумажно-денежнаго обращенія въ самодержавномъ государствѣ. Большая Казна и ея мѣстные органы. Русская финансовая и народно-хозяйственная программа. Мелкій народный кредитъ. Сельскіе союзы. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

По черноморскому побережью. Очерки изъ поѣздки съ экспедиціею министра Земледѣлія въ 1894 г. Спб. 1896. **Цѣна 1 рубль.**

Кружнымъ путемъ. Романъ въ пяти частяхъ. Третье изданіе. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Первое „Собраніе сочиненій С. Ѳ. Шарапова“ Книги I и II (Разошлись и вновь готовятся къ печати. Имѣется нѣсколько экземпляровъ отъ букинистовъ по 3 р. за книгу).

Книга III. (Спб. 1899 г.) **Содержаніе.** Отъ автора. I. **Публичныя рѣчи:** Памяти И. С. Аксакова. — Иностранныя капиталы и наша финансовая политика. — Марксизмъ и русская экономическая мысль. II. **Открытыя письма и отвѣты:** Открытое письмо С. Ѳ. Шарапову епископа Чебоксарскаго Антонія (Хроповицкаго) и нашъ отвѣтъ. Статья графа Л. Н. Толстаго „Голодь или не голодь?“ и „Открытое письмо“ къ ихъ автору. Отвѣтъ А. А. Стаховичу. Отвѣтъ И. С. Дурново. Открытое письмо А. С. Суворину. 334-е „Маленькое письмо“ А. С. Суворина. Отвѣтъ А. С. Суворину. 335-е „Маленькое письмо“ А. С. Суворина. Второй отвѣтъ А. С. Суворину. **Цѣна 1 рубль.**

Денежная сила Франціи. Экономическій этюдъ по Эдмонду Тэри. Екатеринбургъ. 1900. **Цѣна 30 к.**

Русскій Дарвинъ (съ портретомъ). **Цѣна 15 к.**

Овощи и грибы въ жестянкахъ Руководство къ консервированію овощей и грибовъ (съ 8 рис.). **Цѣна 15 к.**

Сочиненія Сергѣя Шарапова, начатыя съ 1900 года, въ десяти томахъ, изъ трехъ безцензурныхъ выпусковъ каждый.

Томъ безъ нумераціи { „Мирныя рѣчи“. „По-русски“. „Старое и новое“.	↑	Томъ V { Вып. 13-й „Заморозки“. „ 14-й „Пороша“. „ 15-й „Метели“.
(Вышли 2-мъ изданіемъ въ одной книгѣ.) Томъ I, выпуски: 1, 2 и 3, „Мой Дневникъ“. (Печатается 2-е изданіе въ одной книгѣ.)		Томъ VI { Вып. 16-й „Ухабы“. „ 17-й „Половодье“. „ 18-й „Яровья“.
Томъ II { Вып. 4-й „Сугробы“. „ 5-й „Оттепель“. „ 6-й „Ледоходъ“.		Томъ VII { Вып. 19-й „Страда“. „ 20-й „Урожай“. „ 21-й „Туманы“.
(Вышли 2-мъ изданіемъ въ одной книгѣ.)		Томъ VIII, вып. 22, 23 и 24 въ одной книгѣ: „Черезъ полвѣка“ романъ, „Мой Дневникъ“.
Томъ III { Вып. 7-й „Борозды“. „ 8-й „Посѣвы“. „ 9-й „Сѣнокосъ“		Томъ IX { Вып. 25-й „Тучи“. „ 26-й „Снѣга“. „ 27-й „Ураганъ“ (выйдетъ въ теченіи 1905 года, чѣмъ и закончится это изданіе).
Томъ IV { Вып. 10-й „Жатва“. „ 11-й „Озимь“. „ 12-й „Умолоть“.	↓	

 Эти выпуски, въ которыхъ авторъ изслѣдовалъ самые важные вопросы современности: церковныя, политическія, финансовыя, бытовые, школьныя и иные, не потеряли ничуть въ своей свѣжести и могутъ читаться съ такимъ-же интересомъ теперь, какъ и въ моментъ выхода.

Цѣна каждого тома отдѣльно **одинъ рубль** съ пересылкой. Всѣхъ 10-ти вмѣстѣ — **восемь рублей**, для подписчиковъ на „Пахарь“ или „Русское Дѣло“ — **семь рублей** съ пересылкой. (Необходимо приложить бандероль съ печатнымъ адресомъ.)

22895

САМОДЕРЖАВІЕ.

(Опытъ схематическаго построенія этого понятія.
Приложеніе къ сочиненіямъ А. С. Хомякова.
Римъ 1899 г.)

Д. Х.***

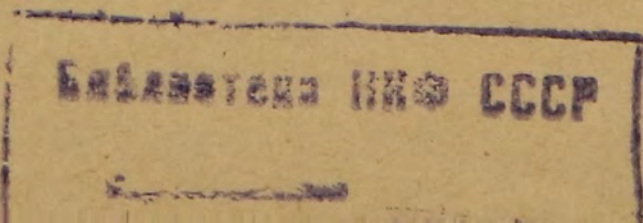
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. М. Машистова, Большая Садовая, соб. домъ
1905.

39

✓

Дозволено цензурою. Москва, 5-го марта 1905 г.

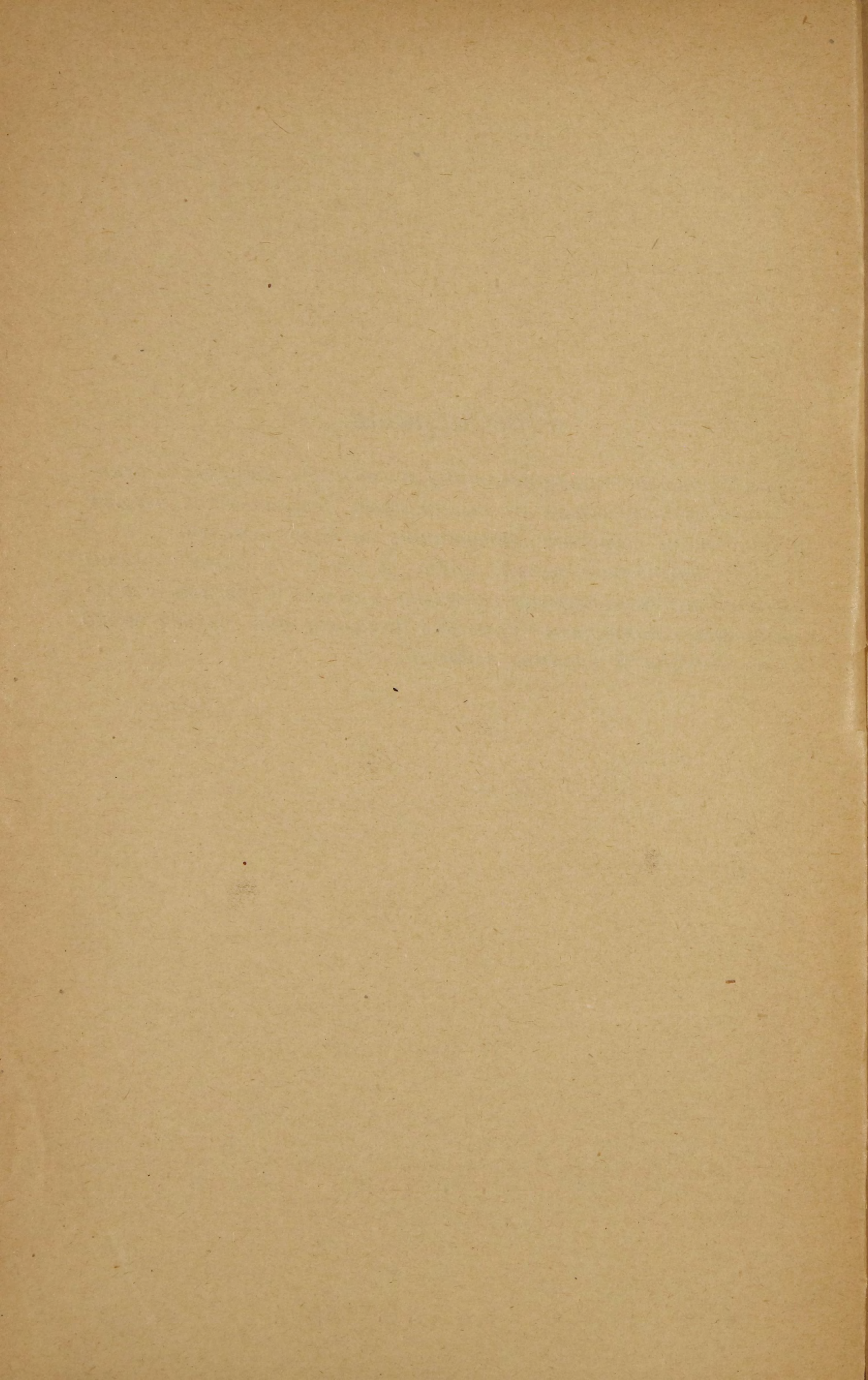
74801

Предисловіе.

Эта брошюра была напечатана въ 1903 году на правахъ рукописи въ количествѣ 50 экземпляровъ, большаго количества и на общемъ основаніи напечатать не было дозволено.

Въ настоящее время, когда съ этой книжечки сняты ограничительные запреты, невольно хочется спросить у благосклоннаго читателя—какъ онъ думаетъ, что въ ней могло быть нѣкогда усмотрѣно запретнаго?

Авторъ.

САМОДЕРЖАВІЕ.

(Опытъ схематическаго построенія этого понятія.)

Въ теченіе всей исторіи человѣчества невидимое и неразлучное съ нимъ сознаніе будущей жизни было въ постоянномъ состязаніи съ вещами видимаго міра (Гладстонъ, цитируемый „Московскимъ Сборникомъ“ К. Побѣдоносцева).

Во всей Европѣ существуетъ только одинъ народъ, для котораго не порвалась нить, связавшая земное съ небеснымъ и котораго взоры сами собою безпрестанно обращаются къ верху (Пис. Ю. Ѳ. Самарина къ А. О. Смирновой).

Aber nach oben hin will er -gar nicht frei sein, er will vielmehr beherrscht werden: er liebt das Regiment des Hausherrn und Vaters, des Starosten, des Zaares. Von dem was über ihn steht, verlangt er geradezu Strenge und Entschiedenheit. Aber von festen Gezetzen, von toden einseitigen Constitutionen will er nicht regiert werden; er liebt die menschliche Willkühr, einen Persönlichen Zaar will er, durch nichts eingeschränkt, weder durch geschriebene Gesetze, noch durch Stände.

Naхthausen, üb. Russland 3. 148.

Такъ какъ нормальное отношеніе... предполагаетъ полную независимость лица (князя) и полную его связь съ свободнымъ обществомъ, то очевидно — оно осуществляется только при сильномъ и цѣльномъ обществѣ, иначе лицо изъ свободнаго переходитъ въ произвольное (А. С. Хомяковъ, пис. къ Самарину).

Имъ-же нѣсть совѣта — падуть яко листвіи; спасеніе-же во мнозѣ совѣтѣ. Соломонъ: Притчи.

Было время, когда Русь жила прирожденными ей началами, проявляя ихъ во всемъ ея строѣ, но не задаваясь логическимъ ихъ формулированіемъ или тѣмъ менѣе оправданіемъ ихъ „отъ разума“.

Времена измѣнились, и теперъ стало необходимымъ выяснить себѣ наши начала, доказывать себѣ самимъ, что наши начала отлич-

ны отъ иноземныхъ. Нѣкоторые, не довольствуясь этимъ, хотятъ доказать, что они даже лучше иноземныхъ; и что только мы одни счастливы, имѣя таковыя, тогда какъ всѣ другіе народы будто-бы бѣдствуютъ гражданственно и общественно, потому что держатся началъ иныхъ.

Дѣйствительно—для нашей такъ называемой образованной среды, оторванной петровской дубинкой и екатерининскими чарами отъ непосредственнаго общенія съ народною жизнью, но все-таки, къ счастью, не вполне переродившейся въ европейскую, благодаря устойчивости вѣками наслѣдственно сложившагося склада ума ея членовъ, такого рода умозрительное исканіе утраченнаго живаго творчества жизни является не только законнымъ, но и вполне желательнымъ.

Начало стремленію уразумѣть и выяснить *сущность основъ Русской народности* положили въ сороковыхъ годахъ тѣ московскіе мыслители, которыхъ можно опредѣлить названіемъ сотрудниковъ „Русской Бесѣды“¹⁾. Они работали надъ своей задачей не только умомъ, но, такъ сказать, цѣлостью духа, прежде всего живя тѣми началами, которымъ затѣмъ уже старались найти точное, обоснованное научно и разумно, выраженіе въ словѣ. Иначе—они живому для нихъ началу старались придать стройное систематическое выраженіе и тѣмъ какъ-бы стремились довершить многовѣковой процессъ эволюціи русскаго духа, возводя его на степень яснаго самосознанія, недостатокъ коего составлялъ главный пробѣлъ культурной жизни допетровской Россіи; что, по мнѣнію А. С. Хомякова, значительно облегчило дѣло реформатора.

Время, въ которое они дѣлали свое дѣло, было тяжелое для Русской мысли въ отношеніи возможности ея свободнаго выраженія; но оно оказалось благодѣтельнымъ для сосредоточенія этой самой мысли на ея основныхъ положеніяхъ, такъ какъ не увлекало соблазномъ такъ называемой практической дѣятельности, въ то время возможной лишь въ очень односторонней формѣ — службы, или строго цензурной печати²⁾.

Съ 60-хъ годовъ внезапно подломились всѣ устои того строя общественной жизни, который сложился на почвѣ петровскихъ реформъ. Жизнь, подавляемая полтора ста лѣтъ искусственными порядками,

1) Хотя ею только завершилась ихъ совмѣстная дѣятельность, начавшаяся гораздо раньше.

2) Въ 50-хъ годахъ, кончая 60-мъ годомъ, послѣдовательно сошли въ могилу главные основатели Русскаго направленія. Въ этомъ-же году прекратилась и „Русская Бесѣда“.

заведенными подраженіемъ Европѣ, но пережившими свои западные первообразы, внезапно вырвалась наружу и, какъ неудержимый и никѣмъ не направленный потокъ, унесла въ своемъ разливѣ всѣ понятія полусознательныя, полупривычныя, которыми пробавлялось такъ называемое общество въ эпоху доэмансипаціонную. Русскія начала, выработанныя въ систему дѣятелями „Русской Бесѣды“, вмѣстѣ со всякими другими, были подхвачены потокомъ событій и стали носиться на поверхности хаотическихъ волнъ въ видѣ обрывковъ. Тѣ-же, которые вылавливали ихъ изъ этого „потопа мысленнаго“, благодушно перемѣшивали ихъ съ понятіями совершенно разнородными (тоже вылавливаемыми отрывочно) и составляли такимъ образомъ нѣчто не то русское, не то западное, въ которомъ по большей части русскіе кусочки склеивались цементомъ вовсе не русскихъ понятій и представлений. Додумываться-же до уясненія началъ было въ то время трудно, особенно для поколѣній, не сложившихся въ суровый предшествовавшій періодъ, такъ какъ круговоротъ внѣшнихъ явленій жизни, во всѣхъ ея изгибахъ, прорвавшейся на сравнительную свободу послѣ 60-го года, дѣйствительно не давалъ сосредоточиваться даже сильнымъ умамъ. Одинъ Ив. С. Аксаковъ, съ его неутомимой и истинно-подвижническою дѣятельностью на почвѣ публицистики, сколько-нибудь спасалъ отъ совершеннаго потопленія традиціи того направленія, котораго онъ былъ наслѣдственнымъ провозвѣстникомъ. Его поэтически цѣлостное міровоззрѣніе оказалось во многомъ послѣдовательнѣе и ближе къ основному, чѣмъ то, которое старались къ жизни примѣнить, болѣе логически закаленные единомышленники. И. С. Аксаковъ не поддавался практическому увлеченію, тогда какъ другіе пожелали сдѣлаться *дѣятелями* на новой, зыбкой почвѣ и не всегда умѣли удержать всю внутреннюю цѣлостъ направленія, въ выработкѣ коего принимали не послѣднее участіе. Но если такіе сильные и выработанные умы, не остались вполнѣ вѣрными себѣ, придя въ прикосновеніе съ новыми требованіями жизни, то не удивительно, что люди менѣе живо и глубоко понимавшіе русское направленіе и недодуманно уцѣпившіеся за него, какъ за спасительный якорь отъ всяческаго западнаго зла (Катковъ и его послѣдователи), совсѣмъ спутали многое, вполнѣ ясно выработанное и выясненное (quoad systemam) „Русской Бесѣдой“¹⁾, и на мѣсто его выдвинули сомнительнаго происхожденія суррогаты, не замѣчая подъ русскими названіями ихъ заморскаго происхожденія²⁾.

1) Подъ „Русской Бесѣдой“ я подразумѣваю направленіе, а не самый журналъ.

2) Г. П. Данилевскій (Россія и Европа) относится къ числу таковыхъ. Блестящій естествовѣдъ, онъ захотѣлъ перенести приемы своей науки въ область ей чуждую; и причинилъ этимъ такъ называемому славянофильству, къ которому его не безъ основанія причисляли, скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Такимъ образомъ рядомъ съ настоящимъ русскимъ направлѣніемъ, которое точнѣе можно назвать православно-русскимъ, появились двѣ новыхъ русскихъ партіи (sic): русскихъ государственниковъ и русскихъ народниковъ, которыхъ постоянно смѣшиваютъ, не вникающіе въ суть вопросовъ, съ такъ называемымъ „Славянофильствомъ“, т.-е съ православно-русскимъ направлѣніемъ, тогда какъ они далеко отъ него отходятъ и едва-ли даже съ нимъ примиримы „по существу“.

Въ настоящее время особенно настойчиво и упорно проводится нѣкоторыми „патріотами“ ученіе о томъ, что основнымъ началомъ, краеугольемъ русской жизни есть „де“ ¹⁾ Самодержавіе, какъ „творческое“ начало бывшаго, настоящаго и будущаго развитія нашего. Изъ такого воззрѣнія естественно получается то представленіе, что все, что съ Самодержавіемъ не согласно, само по себѣ дрянно и вредно и не только у насъ, но и во всемъ мірѣ; и что практически даже (детально), оно есть самая совершенная форма правленія, какую только можно себѣ представить: не даромъ оно—богодаровано. Для подтвержденія такого взгляда приводятся всяческіе факты парламентскихъ безобразій: парламентаризмъ, созданный-де, людьми изъ похотливости властолюбія, клеймится, какъ абсолютное зло ²⁾; но при этомъ почти всѣ фактическія доказательства почерпаются изъ практики тѣхъ странъ, въ которыхъ парламентаризмъ привитъ искусственно и очень рѣдко изъ практики тѣхъ странъ, которымъ онъ свой, т.-е. Англіи и ея колоній.

Если-бы противники Самодержавія могли обнародовать у насъ сборникъ различныхъ фактовъ отрицательнаго свойства изъ исторіи нашего правительства и таковой-же изъ исторіи западнаго абсолютизма, который наши защитники Самодержавія очень наивно смѣшиваютъ съ Самодержавіемъ русскимъ, тогда вѣроятно взаимныя обвиненія сторонниковъ обоихъ порядковъ настолько уравнивали-бы другъ друга, что пришлось-бы невольно опять перейти отъ полемики анекдотической къ принципиальному обоснованію своихъ взаимно-противуположныхъ положеній. Открытыя безобразія европейскаго парламентаризма найдутъ себѣ, навѣрное, параллельныя явленія въ скрытыхъ „изнанкахъ“ самодержавнаго порядка; и этимъ путемъ едва-ли мы не придемъ къ простому признанію ветхо-завѣтнаго положенія—„всякъ человѣкъ—ложь“ и ново-завѣтнаго ученія—„міръ во злѣ лежитъ“. Несомнѣнно, что есть много безобразій, свойственныхъ той или другой формѣ; но позволительно думать, что количественно, *заурядныхъ* злоупотребленій будетъ меньше при правленіи конституціонномъ, такъ какъ за теченіемъ дѣлъ тамъ зорко слѣдятъ партіи для того, чтобы подсиживать

¹⁾ Спасибо М. Н. Каткову, этому великому мастеру и знатоку русскаго языка за введеніе этой драгоценной частицы въ литературный обиходъ.

²⁾ Монархическій или республиканскій парламентаризмъ—одно.

одна другую. Конечно, такіе стимулы едва-ли не развиваютъ „отрицательныя“ нравственныя черты въ средахъ политиканствующихъ. Но тѣ темныя происки, та безнаказанность зла, которыхъ, конечно, больше при единоличномъ правленіи,—тоже, вѣроятно, не способствуютъ къ улучшенію нравственныхъ качествъ лицъ, окружающихъ престолъ Самодержца; и такимъ образомъ, въ концѣ - концовъ, практическое превосходство этихъ порядковъ одно передъ другимъ останется вопросомъ. Собственно говоря, все въ дѣлахъ практическихъ хорошо или плохо, смотря по тому, какъ что къ дѣлу примѣняется. Тотъ-же или другой внѣшній строй государственнаго зданія отличается одинъ отъ другого не природженными практическими преимуществами, а лишь какъ „симптомы того внутренняго строя, который присущъ тому или другому народу“.

Самодержавіе (или единодержавіе) встрѣчается въ исторіи всѣхъ народовъ въ раннюю ихъ пору ¹⁾; но оно постепенно ослабѣваетъ, расшатывается и замѣняется другими усложненными формами государственнаго строя, по мѣрѣ того, такъ народы переходятъ отъ первобытной жизни къ той, въ которой матеріальные интересы богатства, могущества, чистой культурности и т. п. начинаютъ отстранять на второй планъ интересы такъ сказать „природженныя“, т.-е. вѣры и быта, на ней основаннаго ²⁾. Республиканскія формы развиваются преимущественно у тѣхъ народовъ, у которыхъ духовный интересъ наиболѣе слабъ; и если фактъ появленія Римской имперіи какъ-будто бы этому положенію противорѣчитъ, такъ какъ она явилась на почвѣ республиканской ³⁾, то это противорѣчіе только кажущееся. Римская

¹⁾ И оно, несомнѣнно, есть „эволюція“ начала „семеинаго главенства“, т.-е. той формы власти, при которой она является выразительницей въ одномъ лицѣ волевой функціи органически-сбирательной человѣческой единицы, сначала семьи, потомъ рода—племени, потомъ народа. Самодержавіе есть олицетворенная воля народа, слѣдовательно, часть его духовнаго организма и потому сила служебная, зависящая, какъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ воля, отъ совокупности всѣхъ психическихъ силъ единоличнаго индивидуума,—въ одномъ случаѣ, сбирательно органической единицы—въ другомъ. Призваніе его состоитъ въ томъ, чтобы творить „не волю свою“; а выражая собою народъ съ его духовными требованіями и съ его особенностями, вести народъ по путямъ „имъ самимъ излюбленнымъ“, а не „предначертывать ему измышленныя“ пути. Задача Самодержца состоитъ въ томъ, чтобы угадывать потребности народныя, а не перекраивать его по своимъ, хотя бы и „геніальнымъ“ планамъ. Весь строй самодержавнаго правленія долженъ быть основанъ на прислушиваніи къ этимъ потребностямъ и къ тому, какъ народъ понимаетъ самъ средства удовлетворить ихъ, конечно, зорко слѣдя, чтобы на мѣсто народа не появлялось его „лжеподобія“.

²⁾ Этому не противорѣчитъ „самодержавіе“ хановъ, султановъ и т. п. Эти властители дѣйствительно выражаютъ духовно-бытовой строй своихъ народовъ. Если духовный уровень ихъ не высокъ, то надо принять во вниманіе, что и „духъ“ иногда понижается почти что до животной „душевности“.

³⁾ Чѣмъ какъ-бы извращается „послѣдовательность извращенія“.

республика доросла до такихъ размѣровъ и составила изъ такихъ разнородныхъ стихій, что появленіе въ ней единовластія было лишь результатомъ необходимости какъ-нибудь удержать, въ связи съ недостаточно сильнымъ центромъ, непомерно крупные члены, связанные съ Римомъ на живую нитку ¹⁾. Оттого римскіе императоры являютъ изъ себя не органическое, а утилитарное явленіе: они преемственные диктаторы, появившіеся тогда, когда весь составъ республики сдѣлался колоссальной аномаліей, поддержать каковую можно было лишь тѣмъ средствомъ, которое въ древнемъ-же Римѣ примѣнялось только въ минуты исключительной опасности. Опасность распадена сдѣлалась хронической и она вызвала учрежденіе хроническаго диктаторства—имперіи ²⁾. Это кесарство римское обратилось со временемъ въ вѣчный идеаль, къ которому „внутренне“ стремится всякій властитель, могущій и не могущій его осуществить. Всякая иная власть: королевская, царская и т. п. съ тѣхъ поръ кажется уже всегда не полной; ибо только императорско-римскій абсолютизмъ выражаетъ собою чистую идею ничѣмъ не стѣсняемой, неограниченной власти, власти, считающей себя „альфой и омегой всякой человѣческой дѣятельности“, источникомъ благъ, эманацией Божества. Римскіе императоры естественно должны были обожествляться; обожествляются также и всѣ ихъ подражатели и послѣдователи ³⁾.

Императорство есть въ сущности своей—обращеніе въ постоянную власти временной, власти полководца, власть котораго, дѣйствительно, есть власть по преимуществу; и она для своего проявленія требуетъ полного безволія подчиненнаго ей матеріала. Обращеніе ея изъ времен-

1) Nos quum otio langueremus et is esset reipublicae status ut eam unius consilio atque cura gubernari necesse esset... Cicero de Nat. Deorum. I.

2) Императорство—не Самодержавіе, а его лжеподобіе. Оно, плодъ республики выросло на почвѣ республиканской и есть выраженіе отчаявшагося въ своемъ существованіи республиканства, но не отреченіе отъ него по существу. Изъ-за императорства всегда выглядываетъ республика, для которой оно временный, хотя-бы и очень продолжительный коррективъ. Оттого оно и *абсолютно*, ибо оно есть только антиподъ народовластію: власть во всемъ стѣсняемая—власть ничѣмъ не стѣсняемая. Когда-же власть появляется извнѣ, путемъ завоеванія, она также является абсолютной—власть силы. На Западѣ мы имѣемъ эти самыя формы власти: власть, носимая самимъ народомъ—республика, власть, переданная одному лицу на его произволь—имперія; и—власть, основанная на мечѣ. Эта послѣдняя легла въ основу европейскихъ государствъ и „какъ абсолютная“ вызвала противъ себя реакцію—„конституцію, республику“. Можно возразить противъ такого обобщенія завоевательнаго начала, указавъ на Священную Германскую Имперію. Но вся исторія Германіи основана на порабощеніи не германскихъ аборигеновъ. Мы въ этомъ отношеніи стоимъ на точкѣ зрѣнія А. С. Хомякова, изложенной въ его „Запискахъ о Всемирной Исторіи“.

3) И прежде всего духовные императоры, папы, именно съ тѣхъ поръ, какъ они приняли характеръ императорства, взаимнѣйшій исконнаго ихъ духовнаго самодержавія (Ватиканскій соборъ 1870 г.).

ной въ длительную и изъ военной въ гражданскую возможно только при „составномъ“ характерѣ государства изъ частей, если не равныхъ каждая одна другой, то однако настолько сильныхъ, чтобы составлять порядочный противовѣсъ ядру государства. Оттуда у всѣхъ властителей по римскому образцу есть неуклонное стремленіе образовывать такія государства, въ которыхъ основная, для нихъ „императивная“ народность утопала-бы въ разноплеменности призахваченнаго. Римскаго образца властитель считаетъ себя въ правѣ быть—и даже увѣряетъ себя, что онъ долженъ быть равно близкимъ всѣмъ, разноплеменнымъ подданнымъ и они ему; а этого можно, конечно, достигнуть только посредствомъ „отрѣшенія себя отъ той зависимости отъ народа основнаго“, которая такъ тягостна тому, кто кесарству причастенъ ¹⁾. Къ этому идеалу римскаго кесарскаго абсолютизма власть всегда стремилась на Западѣ ²⁾ и дошла до извѣстнаго афоризма „l'état c'est moi“ ³⁾, которому вскорѣ противопоставили другой—„le peuple est souverain“; и тамъ до сихъ поръ борьба между двумя этими принципами (исключая Англии, которую я не всегда подразумеваю подъ собирательнымъ терминомъ Европа—Западъ) не улеглась и вѣроятно не уляжется, такъ какъ одна крайность непременно вызываетъ другую. Петръ внесъ къ намъ тѣ западныя понятія о строѣ государства, которыя должны вызывать опасенія развитія идеи *народоправства*, какъ протеста противъ нихъ. Этого древняя Россія не опасалась: Цари ея не считали себя „альфой и омегой“ ⁴⁾; но по этому самому они и не считались съ „народовластіемъ“. Они знали, что Царь и народъ едино; и поэтому между головой и членами государства была живая органическая связь, устранявшая всякую мысль о противовѣсахъ. Нужно было дикую петровскую бурю, чтобы эту гармонию раз-

¹⁾ Отъ этого увлеченія не спаслась и Англія. Послѣ упраздненія Остъ-Индской Компаніи королева Викторія приняла титулъ императрицы Индійской, несмотря на краснорѣчивый протестъ Гладстона, доказывавшаго, что титулъ, какъ всякое чело-вѣческое слово, влечетъ за собою извѣстныя понятія, въ данномъ случаѣ нежела-тельные. Заманчивость этого званія, дающаго только кажущійся призракъ абсолю-тизма англійскому вѣнценосцу, такъ велика, что королева не могла никогда простить Гладстону его оппозиціи, и, извѣстно, какъ она наслаждалась, разыгрывая дома, въ Англіи, властительницу 250 милліоновъ Индусовъ. Современный имперіализмъ проя-вился въ Англіи съ особой силой во время Бурской войны. Англія для себя „само-державна“: парламентъ коллективный самодержецъ; но она императоръ для колоній и Индіи. Колоніи, постепенно получая автономію, дѣлаются сколками съ метрополіи.

²⁾ Завоевательный характеръ всѣхъ государствъ Запада положилъ идею абсо-лютизма въ самую основу ихъ. Забавную иллюстрацію на тему „абсолютизма“ даетъ примѣръ Сардинскаго короля Виктора Эммануила I, почитавшаго личное имущество подданныхъ ему принадлежащимъ (ср. Stillman, „The Union of Italy“ 9).

³⁾ Изложеніе эволюціи, предшествовавшей изреченію этой фразы Людови-комъ XIV, можно найти въ столь извѣстныхъ запискахъ кардинала de Retz.

⁴⁾ Выраженіе „Московского Сборника“, издавнаго К. Побѣдоносцевымъ.

рушить; но, къ счастію, прививъ ложныя понятія ближайшему и подручному сословію, онъ не успѣлъ исказить народныхъ понятій, благодаря чему даже „имъ заверченный“ крѣпостной строй не могъ отнять у народа самага дорогаго залога его государственной мощи—полнаго довѣрія къ Царю, какъ къ тому, въ комъ онъ видитъ воплощеніе своего народнаго единства и органической внутренней связи.

Вся суть реформы Петра сводится къ одному ¹⁾—къ замѣнѣ Русскаго Самодержавія—абсолютизмомъ. Самодержавіе, означавшее первоначально единодержавіе, становится съ него римо-германскимъ императорствомъ.

Власть ради власти, автократорство ради самого себя, самодавляющее,—вотъ чѣмъ Петръ ²⁾ и его преемники, а за ними ихъ современные апологеты, стремились замѣнить живое народное понятіе объ органическомъ строѣ государства, въ которомъ Царь—глава, народъ—члены, требующіе для правильнаго дѣйствія своего „взаимодѣйствія“ и „органической“ связи, при наличности которыхъ „свобода“ власти не исключаетъ зависимости своей отъ общихъ всему народному организму началъ; при ней-же свобода власти—не произволь, а зависимость народа—не рабство.

Въ древней Россіи, когда государство расширялось на счетъ сосѣдей, оно не измѣняло своему основному характеру Русскаго царства, т.-е. не прилаживалось къ новопріобрѣтеннымъ подданнымъ (хотя-бы таковыя были и близки по народности, какъ напримѣръ Малороссы), а оставляло ихъ въ положеніи народовъ подчинившихся, но не сдѣлавшихся равноправными въ смыслѣ окраски собою характера самого государства. Царь относился къ нимъ черезъ (такъ сказать) свой народъ, а не становился къ нимъ лицомъ къ лицу, ибо онъ былъ отъ своего народа неотдѣлимъ: Царь могъ принять подъ свою руку инородцевъ, но самъ оставался только Русскимъ царемъ, а не непосредственнымъ ихъ владѣтелемъ.

Но какъ только явилась и насадилась идея императорства, носитель ея спѣшитъ стать въ непосредственныя отношенія, личныя,

¹⁾ Подробности его реформъ, особенно въ техническихъ дѣлахъ, были вызываемы необходимостью, и ихъ не надо смѣшивать съ „сущностью“ преобразованія, которая, можетъ быть, ему самому была неясна. Онъ дѣлалъ то, что видѣлъ у другихъ. „Pierre avait le genie imitatif—il n'avait pas le vrai genie“,—сказалъ о немъ Руссо („Contrat Social“).

²⁾ Вотъ, какъ понимаетъ верховную власть выразитель Петровскихъ началъ Θεοφανъ Прокоповичъ. „И того ради не токмо Монаршіе уставы и законы не требуютъ себѣ отъ учительскихъ доводовъ помощи, силою свыше себѣ данною совершенно укрѣпляемыя; но и кто показалъ-бы себѣ аки помощникомъ властительскихъ опредѣленій, тотъ - бы не мало погрѣшилъ на безпрекословное повелительство Самодержцевъ“. „Правда воли Монаршей“, къ простосердечному читателю. Тамъ-же § I „Всякъ Самодержавный Государь человѣческаго закона хранить не долженъ“.

со всѣми входящими въ его Царство элементами и, тѣмъ самымъ дѣлаясь „всяческая для всѣхъ“; онъ сознательно перестаетъ быть „только русскимъ царемъ“, иначе: онъ „эмансипируется отъ зависимости отъ духа русскаго народа“. Императору всѣ подданные одинаково дороги, т.-е. онъ одинаково близокъ (и одинаково далекъ) отъ всѣхъ; ибо нельзя, не отрѣшившись вовсе отъ всякой спеціальной народности, быть единовременно національнымъ вождемъ какихъ-нибудь двадцати народовъ и инородцевъ¹⁾. Но императорство именно на этомъ и стоитъ: оно паритъ надъ народами, которые ему подвластны, не живя исключительно жизнью того народа, который одинъ есть истинный создатель государства²⁾, ему соименнаго, забывая, что оно только потому само существуетъ, что извѣстный народъ его въ себѣ зачалъ (не какъ императорство), подъ условіемъ того, что онъ будетъ крѣпокъ ему, его обычаямъ, понятіямъ, вѣрѣ. До сихъ поръ, у насъ, къ счастью, народъ еще не утратилъ вѣру въ царя, какъ православнаго царя, т.-е. царя русскаго по преимуществу; и только русскаго, слѣдовательно себѣ вполне солидарнаго. Императорство народу непонятно, и если онъ слышитъ этотъ титулъ, то относитъ его къ числу риторическихъ амплификацій, подобно „монархъ“, слову, излюбленному нашимъ духовенствомъ и непонятному народу по чуждости звука, но безвредному по содержанию. Для того, чтобы русскій царь былъ дѣйствительно великимъ, надо, чтобы онъ полагалъ все свое величіе въ томъ, что онъ русскій не по происхожденію только, а по духу, и признавалъ-бы, что ахиллесова пята императорства состоитъ именно въ томъ, въ чемъ его „adulatores“ находятъ его величіе, т.-е. въ его отрѣшенности отъ народа—въ его *абсолютизмѣ*.

Исключительно практически-утилитарная подкладка не годна ни для какой высокой идеи; а *идея Самодержавія, конечно, очень высокая*

1) Полнѣйшій типъ такихъ властителей былъ императоръ Адрианъ. На него очень смахиваетъ нашъ Александръ Павловичъ. Этотъ послѣдній болѣе драматичный, но менѣе утонченный образчикъ чистаго абсолютизма.

2) Лучшее средство для отрѣшенія себя отъ зависимости отъ основнаго народа въ государствѣ есть усиленная забота о разнородныхъ и безнаціональныхъ окраинахъ, на которыхъ императорская власть старается опираться какъ можно болѣе, дабы въ нихъ имѣть точку опоры при процессѣ отрѣшенія отъ центра. По мѣрѣ развитія императорства въ Римѣ, самъ Римъ все болѣе и болѣе утрачивалъ свое господствующее значеніе, что и кончилось—его совершеннымъ упадкомъ. У насъ процвѣтаніе окраинъ—въ связи съ началомъ имперіализма, начавшаго съ того, что оно само перебралось на окраину; и теперешнее „оскудѣніе центра“ несомнѣнно связано съ господствомъ имперіалистическаго идеала, отчасти сознательно, отчасти бессознательно присущаго имперіалистическому бюрократизму и приносящаго постоянно, сознательно или полусознательно, центръ въ жертву окраинамъ. Это очень легко доказать и мы-бы очень желали, чтобы представился поводъ это сдѣлать, ибо настоящее изслѣдованіе неудобно увеличивать цифрами и подробностями въ виду его схематическаго характера.

идея. Русскому народу никогда не приходило въ голову смотрѣть на Царя съ „исключительно“ утилитарной точки зрѣнія. Если-бы онъ ея держался, тогда, конечно, не долго-бы на ней устоялъ и приложился бы къ Западу, гдѣ преобладаетъ идея простой пользы, осязаемой выгоды. Если-бы народу стали доказывать, что при единодержавіи все идетъ, какъ нельзя лучше, то онъ-бы отвѣтилъ исконными поговорками: „до Царя далеко“, „Царь жалуется, а псарь не жалуется“ и т. п., ясно доказывающими, что онъ трезво смотритъ на практическіе недостатки этой излюбленной имъ формы правленія: держится-же онъ ея твердо, имѣя „слѣдовательно, къ тому причины высшаго свойства“¹⁾.

Ошибка поклонниковъ единовластія римскаго типа (абсолютизма тожъ) и хулителей всѣхъ другихъ формъ состоитъ въ томъ, что они не признаютъ того существеннаго обстоятельства, что правительственная форма—не причина, а слѣдствіе, какъ и многія другія явленія въ общественномъ и государственномъ строѣ; хотя конечно, въ свою очередь, она воздѣйствуетъ на создавшую ее среду. Изъ всѣхъ внѣшнихъ проявленій народнаго пониманія различныхъ сторонъ жизни слагается *типъ* народа. Множество мелкихъ чертъ, характеризующихъ взглядъ народа на тѣ или другіе вопросы, выясняютъ такъ называемую народную психологію, отличая одинъ народъ отъ другого. Но изъ оснвныхъ политическихъ понятій, разнымъ народамъ свойственныхъ, едва-ли есть другое, болѣе радикально отличающее народы другъ отъ друга, какъ понятіе о высшей власти. Міръ дѣлится въ этомъ отношеніи на двѣ половины: *Востокъ* и *Западъ*.

Тогда какъ весь Востокъ постоянно²⁾ держится самодержавнаго принципа, весь Западъ стоитъ за форму ограничительную или прямо республиканскую, по временамъ переходящую въ *абсолютизмъ*, какъ его противоположеніе. Финикійцы первые явили у себя форму правленія сначала монархически ограниченную, затѣмъ чисто республиканскую. Финикійцы—грань между Востокомъ и Западомъ: они замыкаютъ Востокъ въ самой Финикіи и начинаютъ Западъ въ Карфагенѣ. Всюду, куда Финикія проникла, туда она заносила и зачатки народоправства или чистаго, или, такъ сказать, конституціонно-монархическаго. Вся дѣятельность Финикіи была направлена на Западъ. Первый историческій шагъ Финикійцевъ былъ—переселеніе на берега Средиземнаго моря, съ береговъ Персидскаго залива; и затѣмъ уже не перестаетъ ихъ „Drang nach Westen“ (въ противоположность Сла-

¹⁾ См. прим. 1-е въ концѣ книжки.

²⁾ Единственный намекъ на республиканскія тенденціи на Востокъ заключается въ извѣстномъ разсказѣ Геродота о проектѣ введенія въ Персіи республиканскаго правленія послѣ сверженія Лже-Смердиса. Но самъ ученый издатель Геродота, Раулинсонъ, думаетъ, что это не что иное, какъ игра фантазіи „народоправнаго“ Эллина, какимъ былъ Геродотъ.

вянамъ, съ ихъ „Drang nach Osten“), который привелъ ихъ къ тому, что они своими факторіями захватили всѣ берега Европы, до глубинъ Балтики; а въ таинственныхъ Касситеридахъ они посѣяли сѣмена многихъ чертъ нынѣшней Англїи, этой въ „нѣкоторыхъ отношеніяхъ“ современной Финикїи ¹⁾. Въ чемъ-же состоитъ сущность Финикійскаго государственнаго строя и культуры? Пророческія книги Ветхаго За-вѣта, въ которыхъ перечисляются народы и дѣлается имъ характери-стика (особенно Іезекіиль), ясно обрисовываютъ своеобразный типъ Фини-кїи; и онъ сразу выдѣляется изъ всѣхъ современныхъ ему народовъ отличительной чертой: своимъ практически-матеріалистическимъ на-правленіемъ или пошибомъ ²⁾. Въ то время, когда другіе народы сво-дили все, даже самое грубо-насильственное въ своей политической жизни, къ вѣрѣ,—у Финикійцевъ религія стояла на очень, сравни-тельно, невысокомъ положеніи и скорѣе подчинена была утилитар-нымъ цѣлямъ, чѣмъ руководила жизнью народа. Хотя во внѣшнемъ культѣ нѣтъ слишкомъ рѣзкаго различія между Финикійцами и дру-гими односемеинными народами (конечно, исключая Израиля), но у Вавилонянъ и Ассирійцевъ божества выводили людей изъ грубо-ма-теріальной ежедневности, обращая ихъ взоры хотя-бы къ звѣздамъ, какъ у Вавилонянъ ³⁾; тогда какъ у Финикійцевъ вѣра была просто поклоненіе тѣмъ интересамъ, которые они преслѣдовали въ жизни. (Не даромъ Мелькарту поклонялись въ Тирѣ во образѣ громаднаго изумруда.) Они сдѣлали себѣ кумиромъ самый міръ съ его матеріаль-нымъ богатствомъ ⁴⁾. Какое-бы ни было происхожденіе Мелькарта Тир-скаго, несомнѣнно, что онъ практически обратился въ генія торговли и былъ скорѣе символомъ этой народной страсти, чѣмъ настоящимъ сверхмірнымъ божествомъ.

Едва-ли когда-либо существовалъ другой народъ историческій, который былъ-бы до такой степени исключительно поглощенъ „пого-ней“ за земными благами. Онъ является какой-то эссенціей матеріа-лизма, такой ѣдкой, что куда онъ ни попадалъ—вытравить его духъ уже было нельзя ⁵⁾.

1) Но только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и не самыхъ существенныхъ.

2) Le génie des Phéniciens fut singulièrement positiviste, говоритъ Lenormant (Hist. Anc. de l'Orient I т. 448 стр.). Ils eurent des comptoirs partout, et ils exercèrent une immense influence sur les pays ou ils s'étaient établis (т. VI. 543).

3) Или побуждая Ассирійцевъ вести непрерывныя религіозныя войны во истре-бленіе чувственныхъ Сирійскихъ культовъ. Повидимому, Израиль заплатилъ Асси-рійцамъ отчасти за склонность къ „ашерамъ и высотамъ“.

4) Подъ вліяніемъ Финикїи, можетъ быть, произошла въ Греціи матеріализація религіи. Грекъ сталъ поклоняться чел-вѣческой красотѣ, какъ Финикіецъ, его учитель, въ своихъ богахъ поклонялся собственной предприимчивости и ея продукту—наживѣ.

5) А. С. Хомяковъ въ „Зап. о Вс. Исторїи“ называетъ Финикійцевъ—„народомъ ничтожнымъ по численности, но слѣды коего неизгладимы въ исторїи“. Не въ такомъ-же ли смыслѣ онъ понималъ ихъ значеніе?

Въ этомъ народѣ зародилась и первая республиканская форма правленія. Хотя республика и была олигархическая, но тѣмъ не менѣе въ Финикіи, первой, эта форма правленія появляется первоначально въ видѣ ограниченной монархіи, получившей болѣе республиканскій характеръ въ Карѳагенѣ¹⁾. Преобладаніе земныхъ интересовъ надъ духовными; крайняя забота о благоустроеніи земной жизни политико-экономической, дальше которой совсѣмъ почти не старается проникнуть духовный взоръ человѣка,—вотъ отличительная черта Финикіи. Какъ будто-бы Провидѣнію угодно было, чтобы изъ одного корня (колѣна Симова) вышли два народа, представляющіе собою крайніе полюсы: одинъ—высшаго духовнаго настроенія съ совершеннымъ отсутствіемъ всякаго государственнаго духа и способности къ государственной жизни; и другой—крайней матеріализаціи духа, съ утонченнымъ развитіемъ утилитарной гражданственности²⁾. Финикійцы заселили своими факторіями берега всѣхъ извѣстныхъ тогда морей и тѣмъ самымъ осѣтили собою всю сѣверную Африку и Европу, такъ что народы, двигавшіеся внутри этой сѣти, вступали въ кругъ ихъ культурнаго вліянія, заимствуя у нихъ, какъ высоко развитыхъ людей, ихъ такъ называемую цивилизацію. Конечно, все вышесказанное—гипотеза, но она, кажется, за себя имѣетъ факты, вѣскіе настолько, что ее нельзя почесть безосновательной. Но, излагая ее, какъ способъ объясненія факта основнаго различія государственно-политическаго міровоззрѣнія двухъ половинъ человѣчества, вовсе нѣтъ надобности слишкомъ на ней настаивать, такъ какъ дѣло идетъ главнымъ образомъ о пониманіи извѣстныхъ явленій, а не объ историческомъ ихъ „генезисѣ“.

Внѣ вліянія финикійскаго въ Европѣ остались только Славяне, какъ наименѣе къ морю прилегавшее племя³⁾, и Германцы; и они одни сохранили свойственную всѣмъ народамъ не европейскимъ, если можно такъ сказать, патріархальность въ бытѣ и особенно въ политическихъ понятіяхъ своихъ⁴⁾. Подъ словомъ патріархальность обыкно-

1) Два суффета въ Карѳагенѣ; два царя въ Лакедемонѣ; два консула въ Римѣ. Видимая связь тутъ есть. Происхожденіе двухъ лакедемонскихъ царей отъ двухъ претендентовъ на престолъ, не устраняетъ несомнѣнной искусственности этой формы ослабленія власти, чрезъ раздвоеніе ея.

2) Если держаться ученія, имѣющаго теперь не мало представителей, о составномъ характерѣ семитизма, то можно было-бы почитать духовность Израиля поляризаціей въ семитизмъ арійскаго начала; а матеріализмъ Финикіи—такового-же начала хамизма. Въ самой Финикіи такая поляризація составныхъ частей усматривается напримѣръ, Э. Бунзеномъ въ Тирѣ и Сидонѣ. („Ueber die Einheit der Religion“).

3) Не были-ли Славяне балтійскіе подъ вліяніемъ тоже Финикіи. Этимъ объяснились-бы ихъ отличительные отъ другихъ Славянъ черты религіозно-жреческаго строя.

4) Но Германцы скоро перемѣшались съ Кельтами, повидимому раньше другихъ народовъ засѣвшихъ въ побережьяхъ Европы и Англіи (Бритты): они стремились на

венно понимаютъ какую-то дѣтскость, происходящую отъ недостаточности развитія индивидуальнаго; но это, конечно, невѣрно. Развѣ мы не видимъ на Востокѣ функціонированіе такъ называемыхъ патріархальныхъ формъ правленія на ряду съ большою культурностью народовъ, конечно, не уступавшихъ культурностью народамъ западнымъ, имъ современнымъ или даже позднѣйшимъ? На самомъ Западѣ мы встрѣчаемъ въ семейномъ быту явленія болѣе патріархальнаго строя, чѣмъ, напр., у насъ, у которыхъ онъ, особенно въ культурномъ слоѣ, весьма слабъ. Это не доказываетъ вовсе, что западные люди менѣе насъ культурны. Патріархальность, какъ явствуетъ изъ самого слова, есть преобладаніе простыхъ, естественныхъ отношеній, въ противуположность условнымъ измышленіямъ, и она обусловливается тѣмъ, какъ настроенъ народъ по отношенію къ такому или иному вопросу своей организаціи. Если люди заняты каждый своимъ дѣломъ, которое они ставятъ выше интересовъ одного лишь „государственнаго благоустроенія“, тогда они уживаются съ самыми простыми порядками, лишь-бы имъ было свободно заниматься болѣе высокими или болѣе близкими имъ занятіями: художники, ученые ¹⁾ и др. всего менѣе политиканствуютъ. Точно также всякій народъ, дорожащій вѣрой и истекающимъ изъ нея бытомъ, гораздо менѣе занимается построеніемъ политически усложненныхъ порядковъ, потому что онъ смотритъ „поверхъ ихъ“ въ болѣе широкіе горизонты, такъ сказать, духовные. Но по мѣрѣ матеріализаціи духа кругозоръ все болѣе и болѣе суживается; и когда онъ уже не можетъ подняться выше интересовъ одного лишь земнаго благоустроенія, все вниманіе, весь интересъ онымъ поглощается ²⁾; и начинается погоня за политическимъ идеаломъ, при которой уже не остается мѣста простотѣ, здоровой „топорности“ первобытнаго патріархальнаго порядка вещей.

Пока у народа преобладаютъ интересы духовно-бытовые, онъ смотритъ на власть, какъ на нѣчто, такъ сказать, служебное, имѣющее сравнительно узкую сферу—„поддержанія того порядка и той безопасности, при которыхъ можно жить безмятежно этими высшими интересами“ ³⁾. При такомъ настроеніи народа князья, цари и всяческіе

Западъ и подпали вліянію финикизированныхъ Кельтовъ; тогда какъ Славяне или удаляются отъ береговъ моря и сохраняютъ этимъ свою первобытность, или, оставаясь у моря, искажаются какъ Поморяне.

¹⁾ Истинные, а не эксплуататоры науки и искусства, которыхъ увы! гораздо болѣе, чѣмъ настоящихъ ученыхъ и художниковъ.

²⁾ Die Erkenntniss, dass für die Elend in dieser Welt in dem Jenseits kein Ersatz gefunden werden kann muss dazu führen das Diesseits besser zu gestalten. A. Ladenburg: „Ueber den Einfluss der Naturwissenschaften auf die Weltanschauung“. 1903.

³⁾ „Приидите княжить и володѣть нами“,—такъ говорили Славяне варяжскимъ князьямъ.—„Мы тебѣ приказываемъ нами править“,—говорили Монголы, возводя на войлокъ ханскій преемниковъ Чингиза.

властители, являются для него носителями бремени, которое лежитъ на всѣхъ, но которое, какъ бремя, пріятно спихнуть на другаго; за что ему (этому другому) благодарность, почетъ, любовь со стороны народа, а народу свобода вѣры и быта, въ которыхъ выражается вся его духовная фізіогномія¹⁾. (Духовныя фізіогноміи, какъ и физическія, не всегда красивы.)

Обыкновенно принято говорить, что западный человѣкъ отличается отъ восточнаго тѣмъ, что первый дѣятельнѣе, болѣе живетъ практическими интересами, а восточный — де, созерцательнѣе и посему коснѣетъ въ неподвижности, отличаясь тѣмъ отъ „прогрессивнаго Запада“. Но въ чемъ-же состоитъ внутреннее, существенное отличие этого, такъ называемаго „коснѣнія“ отъ дѣйствительнаго прогресса? Такъ называемый западный прогрессъ есть результатъ неустанной заботы западнаго человѣка подчинить себѣ, эксплуатировать, использовать тѣ силы матеріальныя, которыя даютъ возможность достиженія наибольшаго земнаго благополучія. Земное благополучіе дѣйствительно его главный интересъ; и избравъ эту, сравнительно узкую (и по своей конкретности заманчивую) задачу, онъ въ ней достигаетъ тѣхъ необыкновенныхъ результатовъ, которые окружаютъ жизнь поразительнымъ блескомъ и какъ-бы даютъ ему въ руки, по выраженію поэта, „громъ земли“. Но именно этотъ „громъ земли“ никогда не оглушалъ вполне²⁾ восточнаго человѣка, всегда понимавшаго, что есть интересы выше этой земной мишуры и что настоящая цѣль человѣка—это проявленіе внутренней свободы и охраненіе ея не столько отъ такъ называемой политической зависимости, сколько отъ *зависимости отъ поглощенія интересами политическими*, тѣмъ, что на Западѣ выражается словомъ „цивилизациа“. Восточный человѣкъ искалъ *просвѣщенія*, а западный—*цивилизации*, т.-е. просвѣщенія-же, но на почвѣ градостроительства, обращенія человѣка въ гражданина. Конечно, какъ все земное, эти два направленія не свободны отъ: одинъ—*les défauts de ses qualités*—Востокъ; а другой—*les qualités de ses défauts*—Западъ. Русскій человѣкъ отличается собственно и отъ Востока, и отъ Запада: онъ составляетъ гармоническое звено между двумя крайностями, не впадая въ коснѣніе перваго и не поддаваясь соблазну культуры, „поглощенной земными цѣлями“³⁾. Русскій [и Славянскій]⁴⁾ народъ въ

1) It is language and religion that make a people, but religion is even a more powerful agent than language. Introd. to the „Sc. of Rel.“ Max Müller, 147.

2) Хотя иногда увлекалъ.

3) Очень неточны слова „земныя цѣли“. Конечно и Русскій преслѣдуетъ земныя цѣли, такъ какъ жизнь человѣка отъ земли пока неотдѣлима. Надо было-бы скорѣе сказать, что онъ не возводитъ земное въ культъ, что именно первые сдѣлали Финикійцы. См. выше. Употребляю, однако, это выраженіе, какъ уясняющее отличие двухъ культуръ.

4) У Палацкаго (послѣдней его эпохи) отмѣчено ясно коренное различіе славянскихъ духовныхъ основъ отъ обще-европейскихъ.

отношеніи духовномъ ближе стоитъ къ жителямъ разноплеменной Азіи, чѣмъ къ Европейцамъ; но между Русскимъ и Азіатами (разноплеменными) глубокую черту разграниченія провело Христіанство: оно въ немъ „просвѣтило“ такъ называемое созерцательное настроеніе, давъ ему болѣе высокій и болѣе конкретный идеаль, и оно-же избавило его отъ коснѣнія, несомѣстимаго съ истиннымъ Христіанствомъ, не поработивъ, однако, погонѣ за исключительно внѣшнимъ прогрессомъ — по „стихіямъ міра“; вѣчная погоня за коими (для подчиненія ихъ себѣ) западнаго человѣка сводится въ сущности къ его порабощенію ими.

У людей восточныхъ вѣра въ „Промыслъ“¹⁾ всегда умѣряетъ погоню за земными благами и дѣлаетъ ихъ „нѣсколько“ безразличными къ земному благоустроенію. Свобода быта и его ненарушимость болѣе интересуютъ, чѣмъ политическія комбинаціи, а бытъ (въ широкомъ смыслѣ) особенно дорогъ потому, что онъ — отраженіе строя другаго, высшаго, идеальнаго міра. Даже безбожный²⁾ Китаецъ гораздо болѣе интересуется тѣмъ, гдѣ онъ будетъ погребенъ, чѣмъ тѣмъ, гдѣ и какъ будетъ жить. Крайняя форма такого направленія выражается въ Буддизмѣ, жаждущемъ исключительно избавленія отъ бытія личнаго, и въ Египтѣ, который весь жилъ только вѣрой въ загробную жизнь. Но напрасно думать, что такое настроеніе препятствуетъ процвѣтанію внѣшнему народовъ и государствъ. Поименованные выше народы (и многіе другіе) ясно доказываютъ противное. Если христіанское ученіе говоритъ, что все земное приложится ищущимъ прежде всего Царствія Божія, то безусловная истина сего изреченія не умаляется отъ того, что исканіе Царства Божьяго понимается не всѣми одинаково возвышенно. Земное благополучіе, сила общества, государства и частныхъ лицъ зависятъ отъ духовной мощи единицъ собирательныхъ или единоличныхъ: надо только понимать „приложатся“ не количественно, а качественно. Тамъ, гдѣ не преобладаетъ духовный строй, тамъ и количественныя богатства, могущество и т. п. не составляютъ истинныхъ благъ: ибо, обращаясь изъ придатка въ цѣль, они только еще болѣе вызываютъ погоню за собою и тѣмъ усиливаютъ чувство неудовлетворенности, а слѣдовательно, и недостатка. Такова была судьба Финикіи и ею засиженной Европы. Конечно, Европа количественно богаче Востока, съ Россіей включительно. Конечно, ея богатства не умаляются, а растутъ: но увеличивается-ли довольство — естественный результатъ, повидимому, накопленія богатствъ? „Вся зарылась въ грудяхъ злата царица западныхъ морей“, и нигдѣ, какъ

1) Доходящая до апогея у Мусульманъ.

2) Говорятъ, что у Китайцевъ нѣтъ слова для выраженія понятія о Богѣ. — „Небо“, есть высшее выраженіе для понятія о Промыслѣ, видимо безличномъ; но „безличность“, въ нашемъ обиходномъ смыслѣ не есть еще доказательство непризнанія трансцендентальной личности въ божествѣ, безличномъ *только* въ нашемъ смыслѣ.

въ Англіи, не сильна погоня за богатством¹⁾, слѣдовательно, не-удовлетворенность достигнутымъ. Но, впрочемъ, упоминая объ Англіи, надо сдѣлать оговорку. Въ Англіи двѣ половины, два лица рѣзко другъ другу противоположныя. Она своего рода Янусъ: у нея есть лицо и изнанка, но, къ удивленію, ея изнанка, т.-е. подкладка, несравненно лучше ея казоваго лица: съ лицевой стороны она современный Тиръ или Сидонъ, увеличенные во сто кратъ; но ея изнанка, ея внутренний бытъ и, такъ сказать, сокровенный строй ничего общаго съ этою внѣшностью не имѣютъ и отличаются совершенно противоположными, истинно христіанскими достоинствами, которыя сидятъ въ ея финикійской внѣшней оболочкѣ, какъ сладкій плодъ въ шершавой, грубой, колючей шелухѣ. Здѣсь не мѣсто объяснять этотъ фактъ, но отмѣтить его надо, дабы избѣжать недоразумѣній, могущихъ произойти отъ неточности.

Когда говоримъ о развитіи земныхъ интересовъ въ противоположеніе духовнымъ, то къ числу первыхъ нельзя относить то, что подходитъ подъ категорію „личной грѣховности“. Эта послѣдняя, конечно, всюду болѣе или менѣе равно распространена, потому что грѣхопаденіе коснулось одинаково всѣхъ потомковъ Адама. („Міръ — народъ отъ Адамія“). Мы говоримъ объ интересахъ идеальныхъ, которыми живетъ цѣлое общество; члены же его, конечно, каждый болѣе или менѣе близокъ или далекъ отъ ихъ осуществленія. Безкорыстныхъ людей на Западѣ, вѣроятно, не меньше, чѣмъ на Востокѣ; даже, можетъ быть, гораздо больше: но тѣмъ не менѣе весь строй Запада—*матеріалистичный*, тогда какъ восточный, опять-таки обобщительно выражаясь, „идеалистичный“. Крайняя забота о земномъ строѣ (государственность), о матеріальномъ развитіи, объ умноженіи силъ и средствъ для улучшенія именно этого строя, приносятъ, благодаря именно своей узкой конкретности, такіе блестящіе результаты, которыми ослѣпляются носители этого начала; и отчасти люди другого строя подпадаютъ вліянію первыхъ, именно потому, что видимая сила на ихъ сторонѣ. Говоря объ интересахъ духовныхъ, должно подразумѣвать всю совокупность того, что въ душѣ человѣка возвышается надъ исключительною привязанностью къ жизненному комфорту, начиная отъ комфорта личной обстановки и кончая заботами о комфортѣ общественно-государственномъ, въ устроеніи котораго каждому хочется отвести себѣ зиждительную роль, дабы обезпечить тотъ „порядокъ“, которому придается „абсолютная цѣнность“ (такъ какъ мысль и чувство лишь слабо отзываются къ интересамъ другого, высшаго разряда). Весь строй Запада таковъ; даже западная церковность не избавлена отъ этой окраски. Хотя она и повторяетъ, что „Царство Мое не

¹⁾ Beggar, rauper, выраженія уничижительныя.

отъ міра сего“, но на дѣлѣ видно, что „Царство отъ міра сего“ все-таки играетъ въ ея глазахъ не послѣднюю роль, и во всякомъ случаѣ имѣетъ передъ другимъ царствомъ преимущество видимости и осязаемости. Личная стяжательность или нестяжательность есть явленіе, не зависящее отъ духовнаго строя среды, къ которому принадлежитъ человѣкъ. Тамъ, гдѣ идеаль высокій, человѣкъ поддающійся слабости погони за земнымъ, сознаетъ въ себѣ эту черту, какъ отрицательную, и на него смотрятъ, какъ на нравственную аномалію ¹⁾; но тамъ, гдѣ общественный идеаль не заходитъ далеко за предѣлы видимаго міра, тамъ и личная стяжательность (не скупость: Англичане, конечно, самый нескупой народъ въ мірѣ) получаетъ характеръ качества и доводится до степени общественной добродѣтели, какъ во Франціи (бережливость—*épargne*), обратившейся теперь въ одну огромную компанію для откладыванія сбереженій на банковую книжку; и на этомъ общемъ дѣлѣ объединившейся такъ крѣпко, какъ не могла она объединиться на почвѣ какого-либо высшаго начала ²⁾. Обращеніе народа въ ту или другую сторону есть симптомъ того настроенія, которое свойственно ему, какъ результатъ его культурныхъ началъ.

Когда такимъ образомъ выясняется различіе между жизненными началами того или другаго народа или цѣлыхъ половинъ человѣчества, тогда открываются и основы ихъ общественнаго и государственнаго міровоззрѣнія, переводящія въ дѣло то, что сокрыто въ глубинѣ народнаго духа. Примѣръ для поясненія: несомнѣнно, что первые Христіане на Западѣ были не менѣе высоки въ духовномъ отношеніи, чѣмъ таковыя-же на Востокѣ, и такъ-же равнодушны ко всему земному. Можетъ-быть, даже люди эллино-римской культуры, благодаря большому развитію въ нихъ начала индивидуальнаго, доводили свои личные качества до высшей степени совершенства. Но уже первыя христіанскія общества западнаго строя все болѣе и болѣе склоняются къ введенію въ свою практику началъ, свойственныхъ средѣ, въ которой они образовались ³⁾, а христіанскія государства, завершившія развитіе христіанскаго Запада, уже вовсе окрашиваются духомъ наро-

¹⁾ Русскіе крестьяне привѣтствуютъ обыкновенно завѣдомыхъ скопидомовъ, въ память Іуды, пожеланіемъ покончить, какъ онъ.

²⁾ Въ этой чертѣ характера современныхъ Французовъ заключается и мѣрило благонадежности союза съ Франціей. „Не вѣрю я Француза дружбѣ“,—сказалъ Пушкинъ. Эта черта, кажется, пореволюціонная. Бальзакъ пишетъ: „*Le Français n'a de vrai parent que le billet de mille francs*“. Конечно, и это надо понимать лишь относительно.

³⁾ Богатство Римской Церкви давало ея епископамъ большое значеніе еще до Константина. Легенда о „дарѣ Константина“ выросла вѣроятно на той-же почвѣ. Очень сильны были и александрійскіе епископы, но не богатствомъ, а вліяніемъ. Прозвище, дававшееся имъ—„Фараоны—могущіе не допустить хлѣбъ въ Константинополь“, относится именно къ вліянію, а не богатству.

довъ, въ которыхъ они сложились. Еще J. de Maistre ¹⁾ признавалъ основное различіе двухъ міровъ — Западнаго и Восточнаго — по отношенію къ власти; но онъ не понимаетъ его настоящаго основанія. Онъ думаетъ, что племя Яфета (западный міръ) искони тяготилось избыточествующею властью надъ собою и всегда стремилось положить ей ограничительные предѣлы; тогда какъ племена Сима и Хама (Русскіе, вѣроятно, по de Maistr'у, происходятъ отъ послѣдняго) говорятъ власти: „дѣлай какъ хочешь; когда ты намъ однако, надоѣшь, мы тебя попросту изведемъ—и разговору конецъ“. Но вѣдь такое этнографическое дѣленіе возможно было только сто лѣтъ назадъ: къ арійскому корню принадлежатъ и азіатскіе Индоевропейцы, и однако, именно такъ разсуждаютъ относительно власти всѣ не офиникіевшіеся Арійцы, только (по крайней мѣрѣ Славяне) съ устраненіемъ заключительной угрозы. Ясно, что здѣсь дѣло не въ происхожденіи, а въ томъ духовномъ строѣ, который живетъ въ томъ или въ другомъ народѣ. Корень всему лежитъ въ исконномъ настроеніи этихъ народовъ, тѣ, у которыхъ ихъ языческое вѣрованіе замѣнило идею Бога, Творца всемірнаго, божествами, такъ сказать, земными (начиная съ Грековъ), тѣ народы перенесли и центръ тяжести своихъ интересовъ на землю съ ея принадлежностями. Когда сами боги тяготеютъ къ землѣ, то понятно, что земля—планета дѣлается альфой и омегой человѣческаго интереса: ея благоустроеніе, ея украшеніе, строй жизни на ней дѣлается единственнымъ, во что человѣкъ кладетъ душу свою; и, если онъ не сразу упраздняетъ весь высшій міръ и, можетъ быть (конечно въ христіанскихъ обществахъ), никогда не доходитъ до совершеннаго его отрицанія, то во всякомъ случаѣ этотъ неземной міръ получаетъ въ его глазахъ характеръ очень туманный, а въ Христіанствѣ западномъ—какой-то въ добавокъ мрачно-ужасательный, для борьбы съ каковымъ, съ его суровостью, еле-еле довлѣетъ все могущество Церкви и ея главы, вооруженнаго палліативными средствами для смягченія строгости христіанскихъ Миносавъ и Радамантовъ ²⁾. Въ томъ или другомъ видѣ міръ неземной теряетъ постепенно свой преобладающій интересъ, и потому забота объ ономъ сводится къ возможному минимуму въ ежедневномъ обиходѣ. Земныя заботы, устройство града земнаго ³⁾—вотъ чѣмъ исчерпывается (опять-таки схематически) интересъ

1) „Du Pape“.

2) Очень любопытно замѣчаніе Пальмера (W. Palmer) о существенномъ различіи въ воззрѣніяхъ на загробное состояніе душъ между восточными и западными Церквями, выражающимся въ богослуженіи и даже надгробныхъ надписяхъ. Итальянцы о покойникахъ всегда употребляютъ выраженіе „il rovego“, какъ-будто съ умершимъ случилось что-то весьма непріятное и даже неожиданное.

3) Бл. Августинъ написалъ „De Civ. Dei“ съ тѣмъ, можетъ быть, чтобы отвлечь вниманіе западныхъ людей отъ исключительной заботы о градѣ земномъ, который въ его время такъ сильно обуревался. Ср. L. X: quod sanctis in omissione rerum temporalium

Западнаго челоуѣка, тогда какъ люди другой цивилизаціи (если даже у нихъ забота о градѣ небесномъ не всегда очень активна) все-таки не могутъ себя заставить придавать „интересъ исключительный“ этому земному градостроительству; и скорѣе даже сходятъ на апатичное отношеніе къ обоимъ. Но все-таки, въ земное градостроительство Востокъ никакъ душу свою не можетъ втѣснить „всецѣло“. Если для людей одинъ интересъ взялъ верхъ надъ другимъ (а это неизбѣжно, ибо двухъ *равныхъ* интересовъ, высшихъ, быть у челоуѣка не можетъ: нельзя служить Богу и Мамонѣ), то ихъ воззрѣнія и выражающая ихъ жизнь окрасятся неизбѣжно преобладающимъ интересомъ. Если преобладаетъ интересъ земной жизни,—все будетъ ему подчинено; все вниманіе будетъ поглощено комбинаціями гражданскихъ построеній, которыми будутъ заняты отъ мала до велика всѣ, тогда какъ дѣла духа, относящіяся къ области очень удаленной ¹⁾, не отрицаемой правда, но не захватывающей, такъ сказать, каждой минуты жизни,—все болѣе и болѣе передаются въ вѣдѣніе особыхъ специалистовъ съ оберъ-специалистомъ во главѣ, отъ которыхъ требуется только одно: чтобы при наименьшемъ о нихъ думаніи можно было достигнуть наибольшаго обезпеченія противъ возможныхъ въ „возможной“ загробной жизни претыканій. Оттуда тонкая разработка въ католицизмѣ римскомъ *формальныхъ* требованій по адресу загробности. Это — страховоу уставъ: „занимайся, душа, міромъ и его прелестями, но не забудь уплатить страховоу преміи, и тогда тебѣ не о чемъ слишкомъ беспокоиться“ (или *почти* не о чемъ, ибо все-таки остается небольшой пробѣлъ, который челоуѣкъ долженъ пополнить личнымъ подвигомъ). По Евангелію, „Царствіе Божіе нудится“. На Западѣ механическое содѣйствіе къ нуженію, устроенное техниками по духовнымъ дѣламъ, доводится въ одномъ случаѣ до такого совершенства, что потребность въ душевномъ участіи въ дѣлѣ спасенія становится минимальной, а въ другомъ упрощается отрицаніемъ значенія добрыхъ

nihil pereat. L.XIX c. x. Ipsa est enim beatitudo finalis, ipsa perfectionis finis qui consumantem non habet finem. Hic autem dicimur quidem beati quando pacem habemus... Sed haec beatitudo illi quam finalem dicimus beatitudine comparata prorsus miseria reperitur.

¹⁾ Важно уяснить, что эти интересы духа, кульминирующие въ идеѣ безсмертія, вовсе не всегда „чисто духовны“. Напримѣръ, привязанность къ быту, интересу внѣшнему, и слѣдовательно, въ сущности не духовному, духовна сама по себѣ, потому что, будучи не утилитарна, удовлетворяетъ потребности идеи, всегда имѣющей свое начало въ области вѣры, постепенно можетъ быть забытой, но не дающей обычая, какъ своему проявленію, утрачивать духовное значеніе. Крѣпки общества имѣющія привязанность къ *обычаю*, и слабы тѣ, которыя (въ родѣ нашего) относятся къ нему, какъ къ признаку неразвитости. Ослабленіе духа народнаго выражается прежде всего въ ослабленіи обычая стараго, безъ нарожденія новаго. Нигдѣ такъ не тверды обычаи, какъ въ Англии и у нашихъ старовѣровъ.

дѣль¹⁾. Такое положеніе вещей возможно, это ясно, только тогда, когда душа людей лежитъ вся въ мірѣ земномъ, а къ міру высшему относится только, какъ къ болѣе или менѣе отдаленной перспективѣ. Не то у восточнаго человѣка: у него все обратно вышеизложенному. Его трудно привлечь къ участию въ тѣхъ заботахъ о земномъ строѣ, отъ которыхъ западный оторваться не можетъ. На крайнемъ Востокѣ такое отношеніе доходитъ до Буддизма и до Магометанства, а въ Россіи, этой представительницѣ Востока въ его лучшемъ смыслѣ, заботы о земномъ устроеніи гармонически связаны съ высшими интересами вѣры и быта тѣмъ, что отношенія къ нимъ, къ государству и власти вообще разрѣшаются у насъ по взаимно дополняющимся началамъ и служатъ восполненіемъ одна другой²⁾. На Западѣ люди озабочены тѣмъ, чтобы довести до минимума то, что для нихъ только тяжелая повинность—заботу о расчетѣ съ другимъ міромъ. Какъ тамъ господствуетъ потребность сдать духовныя дѣла специалистамъ: у Р.-католиковъ—папѣ и духовенству, у протестантовъ—пастору, имѣющему разъ въ недѣлю (но не больше) напоминать съ кафедры о духовныхъ интересахъ (свобода протестантовъ состоитъ въ замѣнѣ одного пастора другимъ, но потребность въ немъ—такая-же утилитарная, какъ и у Р.-католиковъ въ ихъ духовенствѣ), всей душой погружившись въ заботы міра и, главное, въ пользованіе правами гражданина; такъ на Востокѣ является обратное желаніе—какъ можно менѣе „возжаться“ съ дѣлами такъ называемыми гражданскими, передавъ ихъ всецѣло избранному специалисту наследственному, а въ дѣлахъ менѣе важныхъ—временному (въ административныхъ дѣлахъ). Наслѣдственность высшей власти—особенно по душѣ русскому человѣку, во-первыхъ, потому, что еще болѣе удаляетъ отъ необходимости совершать избраніе, что есть опять-таки форма политическаго дѣйствованія; и, во-вторыхъ, потому, что наследственность власти даетъ союзу ея съ народомъ характеръ „органичности всего строя“, при которой личныя черты властителя сглаживаются фактомъ „прирожденности, слѣдовательно гармоничной связи, которая, по народному понятію, крѣпче,

1) Ученіе Кальвина о спасеніи „безъ дѣль“ еще болѣе на руку такому отношенію къ обоимъ мірамъ. „Не хлопочи о небесномъ, такъ какъ ты ничего не можешь подѣлать въ этомъ отношеніи“. Какое удобное положеніе относительно міра здѣшняго!

2) Права человѣка относятся у насъ только къ области духа и эти права твердо отстаиваются въ смыслѣ свободы вѣры и быта: народу невозможно втолковать, что вѣра не свободна. Онъ знаетъ, что Царь одной съ нимъ вѣры, но изъ этого никакъ не выводитъ обязанности держаться извѣстной вѣры потому, что она Царская. Такъ называемыя „права политическія“ относятся имъ къ области *обязанностей, повинностей*. Главный носитель этой повинности, поднимаемой имъ на благо всего народа—Царь. Оттого понятіе народа объ ограниченіи власти равносильно понятію о снятіи съ другаго и возложеніи на себя повинности, а не приобрѣтеніи права.

чѣмъ связь только утилитарная, при которой власть будто-бы поручается всегда лучшему“. Лучшій для народа тотъ, кто органически выросъ во властителя, хотя-бы другой былъ и умнѣе и способнѣе: ибо относительныя достоинства человѣка не исчерпываются однимъ формальнымъ умомъ.

Такимъ путемъ получаютъ два народныхъ типа: одинъ, нуждающийся въ Самодержавіи духовномъ и не терпящій его въ области политической: это—Западъ эллино-римской культуры; и другой—Востокъ съ Россіей во главѣ, твердо стоящій за Самодержавіе гражданское, но не терпящій никакого властнаго вмѣшательства въ дѣла духа и даже почти не понимающій такового ¹⁾. Въ одномъ случаѣ Самодержавіе государственное и республика въ области духа; а въ другомъ Самодержавіе духовное и республика въ области гражданской. И то, и другое суть выраженія взаимоотношенія интересовъ той и другой категоріи въ народахъ, подходящихъ подъ тотъ или подъ другой типъ. Конечно, между двумя крайностями есть всегда переходныя ступени; но въ нихъ обыкновенно проявляется нѣкая сравнительная неустойчивость, благодаря борьбѣ того и другаго теченія: Славяне имѣютъ Новгородъ и затѣмъ Польшу. Западъ имѣетъ Англію, сохранившую свою драгоцѣнную индивидуальность (духовность-бытовой) благодаря своей географической обособленности, а также благодаря тому обстоятельству, что въ ней противоположныя теченія настолько равновесильны, что даютъ странѣ устойчивый центръ тяжести, получающійся отъ взаимнаго уравновѣшиванія одной силы другою. Стоитъ только одной взять верхъ, и Англія сейчасъ перекошится и упадетъ, что, кажется, едва-ли не начинаетъ угрожать ей все болѣе и болѣе ¹⁾.

Такимъ образомъ для народовъ, излюбившихъ форму правленія самодержавную, „она есть присущая ихъ духу потребность, а не результатъ умозаключеній, доказывающихъ ея практическое или, точнѣе, техническое превосходство предъ другими формами правленія“. Ставить вопросъ такъ, какъ теперь это дѣлается у насъ, т.-е. на утилитарную почву,—есть и абсурдъ и бессознательный, недомысленный подкопъ подъ это самое начало. Самодержавіе, конечно, устраняетъ нѣкоторыя дурныя стороны представительнаго правленія. Главное его

¹⁾ Какъ только русскій человѣкъ измѣняетъ своей вѣрѣ подъ вліяніемъ западныхъ ученій, такъ тотчасъ онъ воспринимаетъ всѣ его основныя наклонности, политиканствованія, меркантилизма, обостренія индивидуализма и потребности передавать совѣсть и вѣру вожакамъ: начетчикамъ, уставщикамъ, проповѣдникамъ, христамъ и богородицамъ.

¹⁾ Англія предстоитъ, думается, такого рода испытаніе: либо въ ней возобладаютъ начала финикійскія, которыя дѣлаютъ ея политику столь ненавистной; либо въ ней произойдетъ торжество началъ арійско-христіанскихъ, глубоко въ ней сидящихъ; при чемъ, если-бы даже она и утратила свое всемірное державство, она не переставала-бы быть все-таки свѣточемъ культурнымъ, высшаго разряда.

достоинство заключается въ личной нравственной отвѣтственности власти. Но вѣдь нельзя сказать, чтобы представительное правленіе „принципіально“ уничтожало это начало: оно его ослабляетъ въ лицѣ государя, но переноситъ на отвѣтственнаго министра. Конечно, все-таки принципъ отвѣтственности выдержанъ болѣе строго при автократіи, хотя извѣстно, какъ эту отвѣтственность смягчаютъ всяческими „де“ вліяніями, а въ нѣкоторыхъ конкретныхъ случаяхъ указаніемъ даже на опредѣленныхъ лицѣ, опутавшихъ Царя своими доводами или происками ¹⁾).

„Главная цѣнность Самодержавія заключается не въ его собственныхъ достоинствахъ, а въ томъ, что оно—симптомъ извѣстнаго духовнаго строя народа“. Иностранцы въ 1812 году удивлялись пожару Москвы и другимъ самосожигательствамъ, видя въ этомъ варварство. Но эта черта, называй ее какъ угодно, есть какъ-бы иллюстрація того, какъ народъ смотритъ на земныя блага, когда они стоятъ поперекъ пути къ высшимъ цѣлямъ. Высшая цѣль государственнаго общежитія для однихъ людей, западныхъ—это способствованіе народу и отдѣльнымъ лицамъ заполучать всего, какъ можно болѣе: власти, ²⁾ богатствъ, комфорта и т. п.; для другихъ-же она, для Востока, есть преимущественно только средство охранить внутреннюю свободу духа и быта, и для этого они сознательно жертвуютъ т. н. правами или въ нѣкоторыхъ случаяхъ и всякими другими дѣйствительными или мнимыми благами, чтобы охранить и сохранить наицѣннѣйшее. Духовный строй народа тѣмъ именно и опредѣляется, что онъ почитаетъ наицѣннѣйшимъ. Самодержавная форма правленія возможна только у того народа, который почитаетъ наицѣннѣйшими не могущество, не утонченность политической системы, не принципъ „обогащенія“ ³⁾, а свободу быта и вѣры, свободу жизни, для достиженія которой государство только орудіе, и такое, прилѣпиться къ которому значитъ сдѣлать средство цѣлью. Разъ-же оно сдѣлалось цѣлью, оно, конечно, поработитъ себѣ человѣка и отвлечетъ его отъ той свободы, которая дорога человѣку неизвращенному ⁴⁾ и которая есть прирожденная его потребность. Когда народъ

¹⁾ Противники войны 1877 года возлагали отвѣтственность за нее на Каткова и Аксакова и совершенно обѣляли государя Александра Николаевича.

²⁾ Dem Menschen (ist) überhaupt Herrschaft reizender als Freiheit. Wilh. v. Humboldt, „Ideen zu einem Versuch die Gränzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen“. Sämtl. Werke VII. Band 3.

³⁾ Хотя отъ „личной“ корысти кто-же вполне свободенъ? Но велика разница между корыстью по грѣховности и поклоненіемъ Золотому Тельцу или „земному благополучію“ какъ принципу.

⁴⁾ Не надо здѣсь понимать „l'homme à l'état de nature“ Руссо, или толстовскаго человѣка, отрицающаго государство. Имѣется въ виду человѣкъ, хотя и создавшій государство, какъ нѣчто необходимое, но не возводящій оное въ идеаль, фетишъ.

видить въ государствѣ лишь средство, то, конечно, то, что онъ государствомъ охраняетъ, для него важнѣе и дороже охраняющаго. Что же можетъ быть это высшее, что онъ государственной оградой только охраняетъ? Конечно—только вѣра, сохраняемая отвлеченно въ душѣ и выражаемая конкретно въ жизни—быть. Для того, чтобы государственность его занимала болѣе, чѣмъ его „бытовая вѣра“, надо, чтобы онъ послѣдней значительно поубавилъ въ себѣ, замѣнивъ интересами разряда низшаго въ этическомъ отношеніи. Вотъ, этотъ шагъ надо сдѣлать народу, т.-е. полюбить государственность со всѣми ея атрибутами, чтобы утратить преданность той формѣ правленія, которая наиболѣе обезпечиваетъ ему свободу духа, избавляя отъ порабощенія славѣ и величію міра, при которомъ центръ тяжести народнаго духа перемѣщается, если такъ можно выразиться, съ центра на периферію и поэтому явно слабѣетъ: ибо центръ расплывается и, наконецъ, перестаетъ быть таковымъ.

Народъ, живущій вѣрой и бытомъ, твердо стоитъ на принципѣ Самодержавія, т.-е. устраненія отъ политиканства, въ которомъ видитъ лишь „необходимое (или неизбежное) зло“, которое возлагаетъ, какъ бремя, на избранное и жертвующее собою для общаго блага лицо—Государя, за что и воздаетъ ему и честь, и любовь, соразмѣрную съ величіемъ его царственнаго подвига, понимая всю онаго тяготу, нисколько не умаляемую всѣми внѣшними атрибутами блеска и роскоши, которыми оно облечено, какъ средоточіе земнаго величія съ его земной помпой. При такомъ духовномъ состояніи народа, или, точнѣе, при такомъ настроеніи народнаго духа, не можетъ быть мѣста подозрѣнію между властью и имъ. Народъ не подозрѣваетъ власть въ склонности къ абсолютизму ¹⁾, ибо онъ считаетъ власть органическою *частью самого себя*, выразительницей его самого, неотдѣлимой отъ него; и потому самому ему не придетъ никогда въ голову мысль объ ея формальномъ ограниченіи, пока онъ не пойметъ возможности того, что власть можетъ отъ него отдѣлиться, стать *надъ нимъ*, а не жить *въ немъ*. Власть вполнѣ народная—свободна и ограничена въ одно и то-же время: свободна въ исполненіи всего, клонящагося къ достиженію народнаго блага, „согласно съ народнымъ объ этомъ благѣ понятіемъ“; ограничена-же тѣмъ, что сама вращается въ сферѣ народныхъ понятій, точно такъ, какъ всякій человѣкъ ограниченъ своею собственною личностью: въ немъ единовременно соединяются свобода и несвобода. Если власть въ ея носителѣ не отрѣшилась отъ духовной личности народа, то она ограничена, слѣдовательно, своею принадлежностью къ народу и единеніемъ съ нимъ. Власть, увѣренная въ своей связи—

¹⁾ Для него и посейчасъ Царь есть Царь, а не Императоръ. Этотъ титулъ ему непонятенъ и подозрителенъ. Старовѣры-же этого слова и произносить не хотятъ.

не внѣшней, а внутренней — съ народомъ, никогда не можетъ подозрѣвать въ немъ какихъ-либо опасныхъ поползновеній на такъ называемыя политическія права, ясно „и умомъ и чувствомъ“ понимая, что **ея собственное бытіе основано на нежеланіи народа властвовать.**

Древнерусское понятіе о землѣ и государствѣ было такое живое ¹⁾, что ни народъ, ни царь ни минуты не задумывались насчетъ взаимоотношенія этихъ двухъ факторовъ государственнаго строя. Земля очень хорошо понимала, что есть государево дѣло; и что ей въ это дѣло мѣшаться не подобаетъ безъ приглашенія; но и царь очень понималъ, что такое великое земское дѣло, и зналъ, что цѣль его великаго государева дѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать Землѣ жить своею земскою жизнью. Древне-русскіе самодержцы такъ и смотрѣли на вещи: они не боялись въ народѣ властолюбія, а, напротивъ, зная, какъ народъ чуждается власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ зная, какъ необходимо общеніе умственное ²⁾ съ народомъ для правильнаго „бѣга родного корабля“, понуждали его къ разрѣшенію государственныхъ дѣлъ, отъ которыхъ этотъ самый народъ былъ склоненъ „сверхъ мѣры уклоняться“. Съ наступленіемъ „новаго періода“ возрѣнія власти изменились: подъ вліяніемъ Запада, ослѣпившаго слишкомъ воспріимчиваго Петра ³⁾, правительство стало смотрѣть и на себя, и на народъ, и на Церковь, по-западному; т. е. Самодержавіе оно поняло въ духѣ абсолютизма Людовиковъ и нѣмецкихъ королей и герцоговъ; въ народѣ оно стало видѣть массу темную, требующую лишь обузданія (оно и обуздывало его до 1860 года), а въ Церкви — клерикальную партію, сильную преданностью народа, но опасную по своимъ стремленіямъ забрать въ руки и народъ и власть и эксплуатировать ихъ для своихъ цѣлей. Къ счастью, „народъ“ спасъ Россію отъ зараженія такими понятіями. Если-бы народъ понялъ Петра и пошелъ-бы за нимъ, то Россіи—*русской* наступилъ-бы давно конецъ. Но петровское начинаніе, додѣланное Екатериной, не пошло дальше верхнихъ слоевъ, въ которыхъ оно, увы, впиталось какъ краска въ непроклеенную (народнымъ духомъ) бумагу ⁴⁾. Такимъ путемъ, подъ воздѣйствіемъ оторвавшася отъ народа правительства образовалась искусственная среда, въ которой пустили корни тѣ самыя западныя понятія, которыя теперь составляютъ пугало для самого правительства. Въ ней явились за-

¹⁾ Оттого въ древней Россіи не было никогда недовѣрія къ Церкви со стороны власти. Тогда понимали, что Церковь есть та атмосфера, въ которой живетъ и сама она, и народъ, а не нѣчто внѣшнее, *status in statu*, дальше чего не шло западное представленіе объ отношеніяхъ Церкви къ государству, привитое у насъ съ XVIII вѣка.

²⁾ Ср., напр., Снегирева: „Моск. Древности“. Описаніе дворц. площади.

³⁾ *Pierre avait le génie imitatif, il n'avait pas le vrai génie* („*Contrat Social*“).

⁴⁾ Интересны разсужденія Д. А. Валуева въ его сочиненіи о мѣстничествѣ („Симбирскій Сборникъ“) о томъ, во сколько служилое сословіе въ древней Россіи было „народно“.

просы на всѣ тѣ политическія прянности, которыя такъ нужны западному человѣку, поставленному между абсолютизмомъ и его антиподомъ, народоправствомъ и въ концѣ-концовъ разрѣшающему эту диллему „mezzo termine“ конституціи ¹⁾. Прежде всего у насъ народились сначала олигархическіе ограничители власти, потомъ конституціонисты и затѣмъ, послѣ появленія мало кѣмъ понятаго истинно-русскаго міросозерцанія, такъ называемаго славянофильства, — ярые 70-хъ годовъ отрицатели западно-ограничительныхъ теорій и пламенные защитники угрожаемаго будто-бы Самодержавія; но увы, они не умѣютъ отличить абсолютизмъ отъ Самодержавія и наивно подтасовываютъ одно на мѣсто другого. Самодержавіе (читай абсолютизмъ) у нихъ является само по себѣ наилучшей „Ding an sich“, въ области государственныхъ и почти универсальныхъ проявленій человѣческой дѣятельности. Оно источникъ благъ (у Гезіода боги — δώτηρες ἐσών) и истребитель хищеній, неправдъ и т. п. безъ конца; и все это—*motu proprio*. По-ихнему, куда ни поставь Самодержавіе (абсолютизмъ), оно — все очиститъ и облагодѣлаетъ. Вся бѣда только въ томъ, что есть много, увы, слишкомъ много людей, не понимающихъ этой истины. Точь въ точь разсуждаютъ западные представители религіознаго самодержавія, выродившагося въ абсолютизмъ Рима ²⁾. Папа „альфа и омега всей церковной жизни“ для отдѣльнаго человѣка и для всей Церкви. Изъ него исходитъ истина ³⁾, изъ него исходитъ духовная власть, всенаправляющая, всесозидающая и т. д. „Есть, увы! немало людей, не понимающихъ этой простой, ясной какъ день истины“, говоритъ папство: „насадите у себя папство и увидите, что будетъ“; а вы, отвѣчаютъ ему наши абсолютисты, насадите у себя абсолютную монархію „и тогда увидите“. Оно и дѣйствительно вѣрно: кто у себя можетъ насадить папизмъ, тотъ этимъ покажетъ, кто онъ *самъ есть*. Кто можетъ насадить у себя истинное Самодержавіе, тотъ дастъ этимъ мѣрку своему народному „я“. Иначе: то и другое суть только симптомы настроенія того или другого народа или общества, а не нѣчто само о себѣ сущее. Тотъ народъ, который смотритъ на дѣла міра сего извѣстнымъ образомъ, не можетъ обойтись безъ Самодержавія политическаго и не потерпитъ у себя Самодержавія духовнаго: а тотъ народъ, который возлюбилъ славу міра сего паче славы иной, высшей, непременно

¹⁾ Ср. примѣч. 2-е въ концѣ книжки.

²⁾ Папство изначальное есть Самодержавіе въ области вѣры. Но непогрѣшимое „*ex sese, non ex consensu Ecclesiae*“. Папство 1870 года есть религіозный абсолютизмъ. На Западѣ это понимаютъ многіе, но считаютъ это какъ-бы временнымъ диктаторствомъ, вызваннымъ необходимостью защиты противъ ополчившихся на Церковь „вратъ ада“.

³⁾ „The Pope and the Church are one“: to believe in the one means to believe in the other. Card. Newmann. Отвѣтъ Гладстону—on Civil Allegiance. То же — у нѣскольکو устарѣвшаго де-Местра.

выбросить за бортъ свой старинный, неуклюжій укладъ, какъ разбогатѣвшій человѣкъ выбрасываетъ вонъ жесткія, но прочныя лавки и замѣняетъ ихъ хрупкими, но комфортабельными диванами; онъ-же вмѣстѣ съ тѣмъ непременно заведетъ для упрощенія расчетовъ съ другимъ міромъ духовнаго повѣреннаго, ксендза или пастора, или вообще духовное лицо, понимаемое по-западному; и ужъ конечно, вкусивъ всѣхъ этихъ удобствъ, не будущихъ, а настоящихъ, не вернется къ брошенной старинѣ, а будетъ только искать все удобнѣйшихъ типовъ мебели и обстановки и иногда мѣнять духовныхъ повѣренныхъ— пока не убѣдится, что безъ нихъ можно вовсе обойтись; ибо „міръ иной“ все-таки—не болѣе, какъ гипотеза или даже остатокъ древняго суевѣрія. Но все-таки, когда любители простоты станутъ увѣрять, что мужикъ сидитъ на деревянной лавкѣ, потому что она сама по себѣ совершеннѣе, удобнѣе всякаго кресла въ стилѣ Людовиковъ, то едва-ли его аргументы кого-либо убѣдятъ. Пусть они аргументируютъ такъ: „хотя лавка сама по себѣ первобытная и неудобная вещь, но человѣкъ здоровый тѣломъ и крѣпкій духомъ и потому индифферентный къ приманкамъ комфорта, о которыхъ даже думать не хочетъ, предпочтетъ эту простую, грубую обстановку всѣмъ вашимъ утонченностямъ, въ которыхъ проглядываетъ лишь ваша чувственность; а она неразлучна съ упадкомъ духовной мощи. Лавка-ли, кресло-ли на пружинахъ—не важны сами по себѣ, но они — симптомъ типа обывателей, выражающагося въ той или иной обстановкѣ“. Такъ аргументируя, если никого и не убѣдишь, то по крайней мѣрѣ не собьешь съ толку своихъ-же сторонниковъ, тогда какъ наши абсолютисты „à outrance“ именно этого только и достигаютъ. Они расшатываютъ ряды приверженцевъ Самодержавія, стараясь доказать то, что явно противорѣчитъ самой обыденной дѣйствительности ¹⁾. Точно такъ-же, какъ ультра-паписты наносятъ вредъ дѣлу, которому не въ мѣру усердно служатъ ²⁾.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи очень назидательна единовременная апологія Самодержавія Аксаковымъ и Катковымъ въ началѣ царствованія Александра Александровича. Катковъ подъ Самодержавіемъ понималъ, если не прямо абсолютизмъ, то нѣчто отъ него не ясно отдѣляемое; а Аксаковъ ближе подходилъ къ пониманію того, въ чемъ эти два понятія нетождественны; но для цѣлей, такъ сказать, политическихъ онъ долго пѣлъ въ унисонъ съ Катковымъ, пока, наконецъ, не вытерпѣлъ и поставилъ Каткову категорическій вопросъ: „какъ понимать абсолютную godность начала при постоянной несостоятельности всѣхъ его проявленій?“; а Катковъ въ то время громилъ всѣ дѣйствія правительства en détail. Это была одна изъ послѣднихъ статей И. С. Аксакова. Катковъ будто-бы написалъ отвѣтную статью, по поводу которой хвалился, что „Аксаковъ убитъ на смерть“. Аксаковъ, дѣйствительно, тогда-же умеръ, а Катковская статья осталась не напечатанной. Это очень жаль, ибо читать статьи Каткова „принципіальнаго характера“ было всегда интересно и назидательно—умъ великій!

²⁾ Едва-ли Newmann и его предшественникъ, de-Maistre, оказали папству услугу своими объ немъ афоризмами.

Все истинное достоинство Самодержавія (суть его) состоитъ въ томъ, что народъ, зная его практическое, дѣловое несовершенство (до Царя далеко; Царь жалуется, — псарь не жалуется и т. п.) все-таки твердо стоитъ за него. Онъ за него стоитъ не по грубости или невѣжеству, а очень сознательно, ибо чувствуетъ, „что практическіе недостатки этого порядка вещей сторицей искупаются истекающими изъ него благами высшаго разряда, а именно: свободы отъ прельщенія дѣлами вѣка и его мнимымъ величіемъ“; ибо истинныя блага заключаются въ возможности жить „по-Божью“, что несомнѣнимо съ погоней за мірскими прелестями. Всякій-же человекъ, желающій жить по-Божью (на разные впрочемъ лады), непременно человекъ крѣпкій духомъ; и, слѣдовательно, собирательная единица, составленная изъ такихъ людей, будетъ въ конечномъ выводѣ сильнѣе „Царства сыновъ вѣка сего“; оттого эти послѣдніе при всѣхъ своихъ, повидимому, неистощимыхъ средствахъ внутренне столь боятся такого варварскаго народа, каковъ Русскій; они понимаютъ, что то, что они называютъ варварствомъ, есть просто первобытная, народомъ не утраченная духовная мощь, которая себя проявляетъ въ „кажущейся“ практической немощи архаическаго самодержавнаго порядка.

Такимъ косвеннымъ, обходнымъ, путемъ—но только такимъ—Самодержавіе обращается въ нѣчто цѣнное *само по себѣ*.

Самодержавіе „цѣнность несомнѣнная и громадная“, но только для тѣхъ, которые могутъ его вмѣстить, но вовсе не всюду и не для всѣхъ („Ce n'est pas une denrée à exportation“, какъ сказалъ Гамбетта объ антиклерикализмѣ). Посему бессмысленно противопоставлять его народоправству западному, такъ какъ противопоставлять можно только сущность, а не проявленія, не всегда правильно выражающія сущность. Здоровье противоположно болѣзни; но симптомы того и другаго очень разнообразны. Заведите здоровье вмѣсто болѣзни, и оно выразится само въ соответствующемъ видѣ; но заводить одни симптомы не значитъ еще выздороветь; ибо ихъ можно завести искусственно, и тогда становится организму хуже: наступаетъ сугубая реакція. Конечно, мы вовсе не хотимъ этими словами выразить, что самодержавный государственный строй равнозначущъ абсолютному здоровью проявляющаго его народнаго организма. Это было-бы съ нашей стороны признакомъ лишь ничѣмъ не оправдываемаго самодовольства. Но смѣло можно утверждать, что, хотя есть народы очень крѣпкіе, которые обходятся безъ этого спасительнаго симптома, тѣмъ не менѣе Самодержавіе—этотъ симптомъ здоровья нашего народа по государственной части—имѣетъ въ себѣ такія качества, которыя должны дѣлать изъ него „символь“ нерасшатанной крѣпости и мощи нашего народа. Это—своего рода живой „палладіумъ“.

Отсюда истекает тотъ чисто нравственный (а потому „священный“) характеръ, который имѣетъ въ глазахъ русскаго народа *Самодержавіе*. Оно не представляется ему „de droit divin“ въ западномъ смыслѣ: священно оно по своему внутреннему значенію. Царь, царствуя, почитается совершающимъ великій подвигъ, подвигъ самопожертвованія для цѣлаго народа. Начало принужденія, неизбежное въ государственномъ домостроительствѣ (хотя, конечно, не въ немъ одномъ заключается суть государственнаго союза) ¹⁾, служащее въ немъ орудіемъ осуществленія высшаго идеала, т.-е. сверхгосударственнаго, начало—не благое и поэтому претящее непосредственно каждому отдѣльному человѣку, составляющему народъ и особенно Русскій ²⁾. Тотъ, кто беретъ на себя, на пользу общую, подвигъ орудованія „мечемъ“ и тѣмъ избавляетъ милліоны отъ необходимости къ нему прикасаться, конечно, по идеѣ (не всегда на дѣлѣ)—подвижникъ, положившій душу свою за други свои: „больше-же любви никто-же имать“. Поэтому Царь представляется народу выразителемъ начала любви къ нему, любви по возможности абсолютной; а это конечно, функція священная, и самъ Царь священенъ, какъ проявитель этого священнаго начала. Власть, понятая какъ бремя, а не какъ „привилегія“—краеугольная плита Самодержавія ³⁾ христіанскаго, просвѣтленнаго и тѣмъ отличнаго отъ, такъ сказать, стихійнаго, восточнаго Самодержавія. Священность власти, какъ института вообще, не имѣетъ отношенія къ вопросу о значеніи Самодержавія, какъ такового ⁴⁾. Но Самодержавіе священно, такъ сказать, изъ себя, и эта его священность, какъ идея, возможна

¹⁾ Въ государствѣ доброе и злое идутъ объ-руку. Первое заключается въ потребности свободнаго объединенія, а второе—въ началѣ принудительности. Знаменитое Августиновское „*coege intrare*“ показываетъ, какъ рано Западная Церковь приняла въ себя зародышъ государственности.

²⁾ Съ момента „грѣхопаденія“ зло и добро такъ перемѣшались въ мірѣ, что „по человѣчеству“ чистое безусловное проявленіе того и другаго невозможно. Государственность, конечно, продуктъ грѣхопаденія. По сему не вѣрующіе въ послѣднее, но не отвергающіе этику, какъ на примѣръ, гр. Толстой, отвергаютъ государство. Онъ говоритъ, что только дураки могутъ вѣрить въ грѣхопаденіе, забывая, что къ числу дураковъ приходится отнести Канта. Какъ ни думаютъ объ Кантѣ—дуракомъ почестъ его „трудненько“. („*Religion innerhalb der Grenzen der blosser Vernunft*“. Vom radicalen Bösen.)

³⁾ Покойный Императоръ Александръ III въ своемъ воззрѣніи на „власть, какъ на бремя неудобноносимое“, проявилъ свою истинно русскую душу. Въ этомъ—его „непреходящее“ историческое значеніе.

⁴⁾ Извращеніе понятія о священномъ значеніи царскаго подвига выражается въ нѣкоторыхъ слояхъ народа, почитающихъ себя „образованными“, представленіемъ о Царѣ, какъ священникѣ, съ непризнаніемъ за нимъ права даже вторичнаго брака: Царь-де священникъ. Это понятіе явно развилось подъ вліяніемъ по-петровскаго представленія о коронаціи. Въ древности никто не смущался многобрачіемъ даже Ивана Грознаго, и развѣ только послѣднія жены его почитались народомъ „женищами“.

лишь тамъ, гдѣ и всѣ и каждый видятъ во всяческой власти лишь бремя, а не вкусили „прелести“ ея ¹⁾.

Власть „*jure divino*“ въ европейскомъ смыслѣ едва-ли когда предносилась уму нашего народа ²⁾. Понятіе о таковой едва-ли не истекаетъ изъ римскаго обоготворенія „апоѳеоза“ силы и власти, подкрѣпленной въ послѣдствіи фактомъ зарожденія власти на почвѣ завоевательной. Что-же касается до апостольскаго опредѣленія ея ²⁾, какъ исходящей отъ Бога, то это надо понимать не въ томъ смыслѣ, что она сама по себѣ божественна, но что идетъ отъ Бога, какъ всѣ явленія внѣшняго міра, противъ которыхъ ни возмущаться, ни роптать нельзя, ибо онѣ отъ Бога. Русскій человѣкъ избѣгаетъ поэтому квалифицировать внѣшнія стихійныя явленія эпитетами *хорошій, плохой*. Крестьянинъ рѣдко скажетъ: хорошая погода, дурная погода: вѣдро, сухо, жарко, сыро; судить-же о томъ, что онъ считаетъ проявленіемъ воли Божіей, онъ по возможности избѣгаетъ. Можетъ-быть, это обратилось въ привычку, не болѣе, но привычку добрую. Власть, которую освящалъ Апостоль, объявляя ее идущей отъ Бога, конечно, не была, такъ сказать, священна въ частности, какъ языческая, для Христіанина. Но Апостоль Павелъ потому и указываетъ на ея, такъ сказать, стихійный характеръ, чтобы устранить идею возможнаго возмущенія противъ нея, ставши на точку зрѣнія безразличія къ ней, а конечно—не со стороны внутренней святости. Конечно, тамъ, гдѣ власть являлась результатомъ завоеванія, тамъ ей очень было на руку вводить понятіе о „*jure divino*“ съ подкрѣпленіемъ церковнаго авторитета; но въ Россіи, гдѣ завоевательный абсолютизмъ является только эпизодомъ (не устранявшимъ къ тому-же теченія власти органической, народной), ни народу, ни самой власти не было нужды отыскивать для нея высшихъ священныхъ основъ, когда она освяща-

¹⁾ Ср. пр. 3-е въ концѣ книжки.

²⁾ Не мѣшаетъ вспомнить слѣдующее мѣсто изъ 2-го посланія Ап. Петра: „Повинитесь убо всякому „человѣчу созданію“ Господа ради: аще царю яко преобладающу, аще-ли княземъ, яко отъ него посланнымъ“, и т. д., гл. 2, ст. 13. Любопытна проповѣдь митрополита Филарета на этотъ рѣдко упоминаемый текстъ, Т. III. 445 стр. Въ ней очень интересна критика „*Contrat Social*“. Замѣчательно, что въ приводимомъ Филаретомъ текстѣ слова „созданіе“ замѣнено словомъ—„начальство“. Въ указателѣ поставлено однако „созданіе“, согласно съ греческимъ подлинникомъ. Иоаннъ Златоустъ въ толкованіи г. XIII. I посл. Ап. Павла къ Римлянамъ говоритъ: „неужели всякій начальникъ поставленъ отъ Бога? Не то, говорю я,—отвѣчаетъ Апостоль.—Существованіе властей, при чемъ одни начальствуютъ, а другіе подчиняются и то обстоятельство, что все происходитъ не случайно и произвольно, такъ, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнамъ,—все это я называю дѣломъ Божіей премудрости. Потому Апостоль и не сказалъ, что нѣтъ начальника, который не былъ-бы поставленъ отъ Бога, но рассуждаетъ вообще о существѣ власти и говорятъ „нѣсть власть“ и т. д. Впрочемъ Апостоль не говоритъ... „кто слушается начальниковъ, тотъ повинуется Богу, но устрашаетъ противоположнымъ“.

лась самимъ ея призваніемъ, —носительницы народной *тяготы*: „Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ“. Носитель-же общей тяготы не сугубо-ли исполняетъ этотъ законъ и этимъ святится? Но изъ этого отношенія народа къ Самодержцу истекаютъ и особья обязанности для сего послѣдняго, каковыхъ не можетъ быть ни при абсолютизмѣ, ни при его отрицательномъ дѣтищѣ—представительномъ правленіи. При абсолютизмѣ не можетъ быть рѣчи объ исканіи властью умственной и нравственной опоры въ народѣ, ибо это противорѣчитъ самой идеѣ „отрѣшенности“ (*absolvo-absolutus*). Стоя надъ народомъ и получая вдохновеніе свыше ¹⁾, ему нѣтъ основанія искать умственной поддержки снизу иначе, какъ признавъ за этимъ „низомъ“ нѣчто и такое, чего онъ самъ (абсолютъ) не имѣетъ; а это было-бы отрицаніе собственнаго принципа. Когда вслѣдствіе утомленія народа той неудобной формой, въ которой выражается „*inspiratio divina*“ своихъ абсолютныхъ вождей, приходится вводить ограничительныя учрежденія, тогда для власти начинается другая задача: отстаивать свое значеніе и роль для блага народа; особенно, когда она вѣритъ и знаетъ, что ограничители „далеко не вполнѣ выражаютъ тотъ самый народъ, который будто-бы представляютъ“. Въ странѣ-же, гдѣ твердо укоренилось въ умѣ народа понятіе о власти въ ея органическомъ видѣ, гдѣ власть не представляется противоположеніемъ свободы ²⁾, а ея составною частью (свобода безъ власти ее выражающей—умъ безъ воли), однимъ словомъ, гдѣ *живетъ* (*sic*) Самодержавіе въ его настоящемъ смыслѣ, тамъ Царю приходится дѣлать совсѣмъ обратное тому, что дѣлается, какъ выше сказано, на Западѣ. Ему приходится почти что бороться съ уклончивостью народа отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, истекающей изъ ревниваго охраненія въ себѣ непричастности къ функціи, кажущейся ему несомѣстимой съ его основными желаніями—быть, такъ сказать, только *Землею* ³⁾. Если въ на-

1) „*Divinum jus*“ непременно предполагаетъ и „*inspirationem divinam*“ для правильнаго имъ пользованія. Если „Небо“ непосредственно даетъ право, оно должно и „непосредственно“ вдохновлять.

2) Конечно, не юридической свободы, но всегда однозначачей съ той, которую назвалъ поэтъ таинствомъ: „скажи имъ таинство свободы“. Сказать эту свободу Западу—вотъ, по мнѣнію А. С. Хомякова, задача, предлежащая Русскому народу. Свобода, по вѣрному, кажется, замѣчанію К. С. Аксакова и Н. М. Павлова, означаетъ „свой бытъ“. Самодержавіе есть сила, способствующая народу проявить свой бытъ. Власть, навязывающая не „свой бытъ“,—все, что угодно, только не Самодержавіе (см. примѣч. 4-е въ концѣ).

3) При всемъ извращеніи нашего образованнаго общества на западный ладъ, эта черта нелюбви къ властвованію даже въ отведенныхъ ему сферахъ выражается постояннымъ уклоненіемъ отъ пользованія своими „правами“. Не думаю, чтобы гдѣ-либо существовали законы, карающіе за непользованіе правами; а у насъ таковыя есть для земскихъ и дворянскихъ собраній. Нельзя-ли изъ этого заключить, что и оно смотритъ на „права“, какъ на повинность, отъ которой всегда человѣкъ уклоняться не прочь?

стоящее время для западныхъ государей обязательно сколько можно отстаивать монархическую власть противъ такъ называемыхъ „представителей народа“¹⁾ въ виду того сознанія, что „истинные“ интересы народа связаны съ существованіемъ власти единоличной и твердой, то въ такой-же мѣрѣ, или можетъ быть даже въ сугубой, необходимо Самодержавному Царю бороться съ излишнею уклончивостью народа отъ государственныхъ дѣлъ. Царь долженъ знать, что безъ обмена мыслей съ народомъ у него не хватитъ знанія для веденія многосложнаго государственнаго механизма; и, съ другой,—что надо „умѣрить эту уклончивость народа“ отъ государственнаго интереса, легко переходящую въ нѣкій „сибаритизмъ беззаботности“, который тоже есть крайность: какъ всякая крайность, она нежелательна и неоправдываема. Есть еще другія обстоятельства, связанные съ условіями функционированія власти, которыя должны заставлять ее всегда имѣть въ умѣ необходимость „думать съ Землею“: окружающая государя служилая среда очень склонна обратиться въ средостѣніе между нимъ и народомъ; и потому онъ долженъ постоянно, такъ сказать, протыкать этотъ войлокъ служилаго люда, чтобы черезъ него доходилъ къ нему духъ самого народа²⁾. Взглядъ народа, стоящаго на самодержавной точкѣ зрѣнія, переносится имъ и на низшія ступени правительственной лѣстницы; и такъ охотно онъ уклоняется отъ всякихъ видовъ администрированія, что дѣлаетъ весьма труднымъ устройство у насъ такъ называемаго „самоуправленія“. Народъ одинаково не понимаетъ государственнаго управленія не личнаго, какъ и самоуправления мѣстнаго, коллегіальнаго, и по очень основательной причинѣ: власть на всѣхъ ея ступеняхъ — одна по существу, и отношеніе къ ней одно. Власть государственная прекращаетъ свою функцію только тамъ, гдѣ начинаются бытовыя ячейки. Поэтому также страннымъ для народа кажется участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ, какъ и въ управленіи краемъ, городомъ, уѣздомъ. Но уклоненіе отъ управленія не значитъ, чтобы народъ не сознавалъ необходимости общенія между властью и имъ на всѣхъ ступеняхъ ея дѣйствованія. Посему только правильная постановка общегосударственнаго строя можетъ дать такую-же постановку всяческимъ „мѣстнымъ строямъ“, являющимъ теперь живую критику на учрежденія, по духу своему противныя духу народному и, благодаря этому, служащія только обузой для народа и ареной для декламированія тѣмъ, кого бюрократически слѣпое правительство, ихъ-же создавшее, почитаетъ представителями „субверсивнаго будто-бы, настроенія массъ“. Точь въ точь — Западъ; но пока еще

1) Ср. Spencer „Man versus the State“: the function of true liberalism in the future will be that of putting a limit to the powers of Parliament, стр. 107.

2) Очень поучительна исторія Русская въ XVII вѣкѣ, именно въ этомъ отношеніи. Ср. Лыткинъ. „Исторія Земскихъ Соборовъ“.

въ шуточномъ видѣ, легко могущемъ, однако перейти въ болѣе серьезный, если само правительство не обезоружить всей этой пока только недомысленной оппозиціи, законно направленной противъ дѣйствительно ненавистнаго абсолютизма такими народными представителями, отъ которыхъ этотъ самый народъ¹⁾ откажется сейчасъ-же, если только исчезнетъ *corpus delicti*, который его оправдываетъ до извѣстной степени²⁾. Истинно самодержавная власть непременно себя проявитъ всяческими видами общенія съ народомъ, изъ которыхъ однимъ можетъ быть и Земскій Соборъ. Но Земскіе Соборы сами по себѣ вовсе не панацея: они только симптомы; а когда власть, утратившая свой органическій характеръ, но выражаемая такой умной представительницей, какова была Екатерина II, захочетъ прибѣгнуть къ формѣ, утративъ духъ, то, вмѣсто Собора Земли, получается ея знаменитая Комиссія, псевдо-соборъ, столь-же мало похожій на настоящій соборъ, сколько она сама на *Самодержавную Царицу*: въ дѣйствительности, она была чисто западная абсолютная монархия, исказившая строй государственной и общественной жизни несравненно болѣе, чѣмъ то сдѣлалъ Петръ, въ которомъ личное богатырство (черта народная) не давало вполнѣ обостриться чуждому принципу, которому онъ служилъ. Послѣ Петра легче было возстановить духъ древній, чѣмъ послѣ Екатерины. Она заколдовала Россію надолго,—хотя можно надѣяться—не навсегда. Но тогда, какъ у другихъ преемниковъ петровыхъ чистый абсолютизмъ не давалъ себѣ труда прикрываться, Екатерина, какъ умнѣйшая, очень чувствовала несостоятельность чистаго абсолютизма и потому заигрывала съ Самодержавіемъ русскимъ, какъ она заигрывала и съ русской вѣрой, а также съ русскимъ бытомъ. Конечно, во всемъ этомъ проглядываетъ почтенное для нея прозрѣніе того, чего вполнѣ понять она не могла по причинамъ вполнѣ законнымъ. Для нея, какъ для Петра и для современныхъ націоналистовъ, Самодержавіе и абсолютизмъ—тождественны. *Самодержавіе*, повторимъ это еще разъ, есть *активное самосознаніе народа, концентрированное въ одномъ лицѣ* и потому нормируемое его народною индивидуальностью; оно свободно постольку, поскольку воля свободна въ живомъ индивидуумѣ. О степени свободы воли въ человѣкѣ вѣчно спорятъ разныя школы философскія; пускай спорятъ и истолкователи государственнаго права.

¹⁾ Поясняется моя мысль примѣромъ: почему институтъ предводителей (столь фальшивый, какъ продуктъ дворянской фальшивой организаціи) пользуется какимъ-то обаяніемъ даже въ народѣ, тогда какъ остальные выборныя должности—нѣтъ? Если дѣло земскихъ учрежденій идетъ гдѣ-либо сколько-нибудь порядочно, это тамъ, гдѣ одно благонамѣренное лицо забрало все дѣло въ руки; а всего хуже—тамъ, гдѣ процвѣтаютъ ораторы и строгая „коллегіальность“.

²⁾ Здѣсь подъ народомъ я понимаю вовсе не одно простонародіе, а и ту интеллигенцію, которая криво-блуждаетъ, благодаря тому, что вокругъ нея и въ ней все расшатано въ области понятій.

также о томъ, каковы границы свободы самодержавной воли въ народно-государственной жизни; но это сопоставленіе выражаетъ ясно мою мысль. Абсолютизмъ-же есть, какъ явствуетъ изъ его имени, власть безусловная, отрѣшенная отъ органической связи съ какою-бы то ни было народностью въ частности. Въ индивидуумѣ абсолютизмъ подходитъ къ понятію о произволѣ, о волѣ, отрѣшенной отъ цѣлости духа. Философски этотъ терминъ не очень точенъ; но для настоящаго случая онъ достаточно подходящъ. Но дѣйствительно-ли произволъ свободнѣе воли разумной? Абсолютизмъ всего охотнѣе облекается въ форму римскаго *императорства*, т.-е. такую, которая соотвѣтствуетъ разносоставности государственнаго организма, такъ какъ тогда власть легче отрѣшается отъ связи съ однимъ народомъ и прикрывается своею одинаковою близостью ко всѣмъ народамъ, ей подчиненнымъ. Но, хотя онъ дѣйствительно родился на такой благопріятной въ Римѣ почвѣ, „Августу единоначальствующу на землѣ“, онъ на Западѣ, гдѣ могъ, вездѣ вытѣснялъ болѣе органическія формы власти, пользуясь тѣмъ, что самое начало власти тамъ (болѣе или менѣе) не было нигдѣ вполнѣ органическое, а вездѣ насильственное. Постепенно эту власть, въ большей или меньшей степени абсолютную, основанную на правѣ сильнаго, стали „связывать“, по теоріи де-Местра, тамошніе Япетиты; но, какъ только удавалось власти сбрасывать путы, она тотчасъ обращалась въ чистый абсолютизмъ, забавный образецъ котораго представлялъ, напр., въ началѣ нынѣшняго столѣтія сравнительно микроскопическій король Викторъ Эммануиль первый, сардинскій. Но такъ какъ первообразъ абсолютнаго владыки есть императоръ, то всѣ абсолютическіе государи и дорожатъ титуломъ императорскимъ, возведеніемъ себя въ духовное родство съ Августомъ, чрезъ титулованіе себя августѣйшими „*semper Augustus*“. У насъ произошло то-же; но къ счастью, западный идеалъ все-таки не можетъ расцвѣсть на русской почвѣ: онъ на дѣлѣ смягчается незамѣтно для насъ какимъ-то особымъ оттѣнкомъ, который дѣлаетъ то, что западные народы продолжаютъ видѣть только Царя въ преемникахъ того, кто упорно стремился замѣнить это народное званіе другимъ, народу чуждымъ и непонятнымъ. Со стороны многое виднѣе! Западъ побаивается именно Царя, а не Императора; Русскаго народа, а не Россійской Имперіи; и это не со вчерашняго дня. Западъ очень-бы желалъ, чтобы Русское Царство поскорѣ „дѣйствительно“ переродилось въ Имперію и чтобы получилась новѣйшаго пошиба вторая Имперія Римская, которая, какъ всякая Имперія, т.-е. не органическое нѣчто, а конгломератъ и „мимо идетъ, яко день вчерашній“. Есть, однако, основаніе надѣяться, что эти враждебныя намъ пожеланія не сбудутся. Такой надеждѣ можно найти нѣкоторыя оправданія въ нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣрахъ которыя намекаютъ на то, что не вполнѣ утрачено сознаніе значенія

Русской основы въ краеуголіи государства. Внѣшнія формы русскаго пониманія: „Самодержавіе, Православіе и Народность“, охраняются тщательно, хотя первое понимается въ смыслѣ западнаго абсолютизма, второе—въ смыслѣ лишь вѣры традиціонной, а послѣдняя лишь въ ея внѣшнемъ признакѣ—языкѣ. Но пока живетъ еще смутное сознаніе, что все это, хотя и не всегда правильно понимаемое, составляетъ нѣкій палладіумъ, до тѣхъ поръ не утрачена надежда на то, что „просвѣтятся очи“ тѣхъ, коимъ они до сихъ поръ такъ крѣпко заслонены представленіями совсѣмъ не самодержавно - православно - народнаго свойства.

Русскій народъ (вмѣстѣ съ другими восточными народами, но съ отличіемъ христіанскаго начала, на которомъ онъ построилъ всю свою культуру) передаетъ такимъ образомъ всю государственную заботу одному, сначала излюбленному, а потомъ наследственному лицу, и для него совершенно чужды какъ конституція, такъ и республика. Происходитъ это отъ того, что для Русскаго народа интересъ *быта* (вѣра, выражающаяся въ жизни ¹⁾) главный интересъ; а государство есть только ограда этого быта отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ. Вездѣ, гдѣ въ народѣ настроеніе то-же, получается подобное отношеніе къ государству. Тому примѣръ—Англія. Хотя ея государственный строй и иной, но отношеніе Англичанина къ власти и политикѣ необыкновенно напоминаетъ русскій штандпунктъ. Это сродство „сути“ при различіи „внѣшней формы“ такъ велико, что Бисмаркъ, этотъ тонкій наблюдатель деталей, не задумался назвать Англію вмѣстѣ съ Россіей азіатскими государствами. Конечно, онъ понимаетъ этотъ эпитетъ къ отношенію къ Англіи главнымъ образомъ въ смыслѣ ея господства въ Индіи; но самое сопоставленіе ихъ съ выдѣленіемъ изъ „Europe, progrement dite“ знаменательно. Въ Англіи государственная форма сложная, но она такая-же органическая, какъ Самодержавіе у насъ; а поэтому отношеніе къ ней народа одинаково въ обѣихъ странахъ. Въ Англіи и Россіи преобладаетъ въ народѣ интересъ религіозно-бытовой; и онѣ обѣ ревниво охраняютъ эту среду отъ захвата какой-бы то ни было власти ¹⁾. Здѣсь, конечно, не мѣсто подробно разсуждать объ Англіи; упоминаемъ о ней только для того, чтобы указать на то, что она не возраженіе противъ излагаемой теоріи, а скорѣе подтвержденіе ея. На Востокѣ немислимы оракулы безапелляціонные, разрѣшающіе вопросы вѣры и жизни, немислимо „господство“ іерархіи; а тѣмъ менѣе образованіе духовнаго самодержавія, переродившагося въ абсолютизмъ, мнящій руководить совѣстью и вѣрою людей. Эту черту древневосточную русскій народъ перенесъ

¹⁾ Каждая форма вѣры у насъ имѣетъ свой бытовой строй и даже внѣшній видъ адептовъ.

¹⁾ Положеніе Established Church очень своеобразное.

въ свою церковную христіанскую жизнь, въ которой при совершенномъ признаніи значенія іерархіи, она никогда не получала развитія такого, какъ на Западѣ. У насъ безпоповство, какъ оно ни ложно, не смущаетъ народъ именно своей безіерархичностью, тогда какъ на Западѣ въ безпоповствѣ протестантовъ—главный „скандалонъ“ для Рим.-католиковъ: *отсутствіе авторитета*. Но А. С. Хомяковъ показалъ ясно, что и протестанты безъ внѣшняго авторитета не могутъ обойтись; и что онѣ замѣнили авторитетъ лица, авторитетомъ книги, т.-е тоже оракула. Авторитетъ есть начало внѣшней принудительности въ области вѣры и мысли, которому человекъ подчиняется въ мѣру его сравнительнаго равнодушія къ самой этой области. Въ наукѣ авторитетъ большею частью имѣетъ значеніе въ тѣхъ отдѣлахъ, которые не составляютъ специальности ученаго. На Востокѣ народы сдаютъ власти дѣла государственныя, ибо они для человека восточнаго второстепенныя. Западъ, наоборотъ, сохраняетъ ревниво за собою интересы государственныя и въ постоянной заботѣ о земномъ благоустроеніи весь уходитъ въ эту область, оставляя второстепенную область вѣры въ рукахъ духовныхъ самодержцевъ.

Такимъ путемъ мы приходимъ снова къ слѣдующему общему выводу: Востокъ стоитъ за Самодержавіе государственное потому, что онъ „сравнительно“ ¹⁾ равнодушенъ къ интересу земнаго благоустроенія, но не допускаетъ и мысли о возможности Самодержавія духовнаго, потому что область духа для него такъ дорога, что онъ не находитъ возможнымъ поставить какія-либо внѣшнія преграды между тѣмъ, что почитаетъ абсолютно важнымъ, и своимъ личнымъ духомъ. Западъ—наоборотъ: онъ утверждаетъ центръ тяжести своей жизни на интересѣ земномъ, оставляя „иному“, конечно, очень высокое мѣсто на словахъ, но только не на дѣлѣ. *Преданность Самодержавію въ сферѣ политической пропорціональна сравнительному индифферентизму народа къ дѣламъ міра сего вообще, а слѣдовательно, силѣ его интересовъ въ высшей области духа.*

Такимъ образомъ Самодержавіе является передъ нами, какъ нѣчто почти невѣсомое. Какъ скудость сама по себѣ не можетъ почитаться положительнымъ благомъ, такъ и скудость политической формы никакъ не можетъ быть почитаема сама по себѣ качествомъ. Но во сколько нестяжаніе сознательное есть великая въ мірѣ сила, передъ которой всякое богатство „гниль и прахъ“, такъ и Самодержавіе, излюбленное народомъ вполне сознательно, есть источникъ народной силы, ибо въ прилѣпленіи къ нему выражается *отрѣшеніе народа отъ тѣхъ политическихъ похотей, которыя ослабляютъ народный духъ не меньше, чѣмъ погоня за богатствомъ ослабляетъ ду-*

¹⁾ Не надо упускать изъ вида, что это выраженіе существенно важно.

ховно человека и народы, сдѣлавшіе изъ Золотаго Тельца предметъ своего обожанія.

Когда человѣкомъ овладѣла любовь къ земнымъ благамъ, поздно, въ большинствѣ случаевъ, убѣждать его въ томъ, что „нестяжаніе“ гораздо удобнѣе и даже практичнѣе, чѣмъ „богатство“, ибо первое даетъ „истинную свободу“. Надо, чтобы человѣкъ переродился и тогда онъ самъ перемѣнитъ свои отношенія къ богатству, къ политической игрѣ, къ исканію силы въ томъ, что есть прахъ. То-же и съ народами: разъ они утратили интересы и идеалы религіозно-бытовые, тотчасъ они пускаются въ погоню за всѣмъ внѣшнимъ и, главное, за устроеніемъ политически-усовершенствованныхъ порядковъ ¹⁾. Для ихъ цѣлей такое архаическое, какъ Самодержавіе, орудіе негодно главнымъ образомъ потому, что выражаемое „по возможности“ Самодержавіемъ народное самосознаніе само утрачивается, благодаря обостренію индивидуализма, разрушающаго внутреннее духовное единство. Но „порабощеніе“ земнымъ интересамъ (земнаго благоустроенія)—это-то и есть истинная духовная слабость и человека, и народа. Потому нельзя не радоваться, если еще есть люди и народы, которые не поклонились Ваалу и продолжаютъ жить другимъ, болѣе высокимъ настроеніемъ ²⁾. Но, не отрицая полезности и желательности комфорта, стоятъ рядомъ съ тѣмъ за нестяжаніе; или, считая необходимымъ обладать совершеннѣйшей по возможности государственной организаціей и рядомъ съ этимъ утверждать, что она всегда лучше усовершенствуется, когда до нея мало кому дѣла,—едва-ли логично.

Не даромъ мы сопоставили двѣ похоти: богатства и властолюбія. Дѣйствительно, между ними есть связь, какъ между симптомами одной и той-же болѣзни: онѣ восполняютъ одна другую. Это—двѣ разновидности одного начала порабощенія духа *князю вѣка сего*. Но у насъ этого не сознаютъ и само правительство поощряетъ развитіе капитализма большаго и малаго, не понимая, что какъ только разовьется этотъ аппетитъ въ народѣ, тотчасъ разовьется политиканство, которое въ формѣ западно-конституціонной, свило свое гнѣздо (уже) въ средѣ нашихъ капиталистовъ европейскаго пошиба. Напрасно смѣшиваютъ у насъ капитализмъ съ благосостояніемъ, о которомъ должно дѣйствительно заботиться: почти что утрачено даже понятіе о томъ, въ

¹⁾ Народъ—простонародіе почти вездѣ мало занимается политикой. Но на Западѣ онъ не постоянно политиканствуетъ лишь потому, что простому человѣку некогда, по большей части, отниматься отъ дѣла самопропитанія, но его идеаль все-таки власть (см. выше, стр. 24 пр. 2). У насъ кромѣ западной причины отвлекающей отъ политики есть другая — „пока“ — *нежеланіе*, властвовать вслѣдствіе понятія о власти, какъ о тяготѣ и повинности.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ употреблялъ К. С. Аксаковъ выраженіе „величавый“, говоря въ одномъ стихотвореніи о простомъ народѣ.

чемъ оно заключается ¹⁾. Среда капитализма у насъ — это та, въ которой успѣли свить себѣ гнѣздо и развиться понятія о благахъ цивилизаціи европейско-финикійскаго пошиба; и она уже вполне достойна стать на одну доску съ остальной Европой и, конечно, уже поздно доказывать ей, что „скудость“ лучше „избытка“, что Самодержавіе лучше конституціонизма и что вѣра сильнѣе науки ²⁾. Надо желать того, чтобы перестали у насъ работать въ руку этой средѣ и чтобы поняли, что капитализмъ (т.-е. поклоненіе силѣ вещественной) есть величайшій врагъ и челоуѣчества вообще, и его исконной государственной формы, къ счастью еще сохранившейся въ Россіи—Самодержавія.

Сотрудники „Русской Бесѣды“ такъ и понимали величіе и значеніе самодержавнаго принципа. Величіе Самодержавія заключается въ величіи народа, добровольно ввѣряющаго ему свои судьбы, но вовсе не въ немъ самомъ, не въ томъ, что оно есть совершенная форма государственнаго правленія, ибо само по себѣ оно не плохо и не хорошо; и можетъ быть и полезно, и вредно, смотря по своему примѣненію. Возведеніе-же его самого въ начало творческое, самодовлѣющее есть такая-же „лесть“, какъ со стороны западныхъ людей „возведеніе служебнаго начала іерархическаго авторитета въ основу Христіанства и Церкви“. Дѣла, собственно государственныя, могутъ лучше идти при правленіи представительномъ и въ дѣйствительности чаще лучше идутъ, чѣмъ при правленіи самодержавномъ; не все, созданное Римскимъ католицизмомъ въ области церковности плохо, потому что оно само основано въ началѣ невѣрномъ. Слава Богу, что у насъ народъ не утратилъ свою вѣру въ Православіе и Самодержавіе; но далеко не все оффиціально православное такъ уже хорошо, какъ-бы „потрясательно“ ни исполняли пѣвчіе „Держайте убо“ („Московскій Сборникъ“, К. Побѣдоносцева, стр. 266); и не все „въ нашей государственности отлично“, какъ-бы мы оффиціально и оффиціозно это ни утверждали ³⁾.

¹⁾ „Кійждо въ виноградникѣ своемъ; и кійждо подъ смоковницею своею“.

²⁾ Даже „Московскія Вѣдомости“ и тѣ преблагодушно повторяютъ слова нѣкогого проф. Озерова, перифразъ на Евангеліе: „ищите прежде знанія и просвѣщенія и остальное все приложится вамъ“. 1903 г., № 65, ст. рабочаго Слѣпова.

³⁾ На эту тему написанъ „Антидотъ“ Екатерины II-й. Она не только олицетворяла въ себѣ „абсолютизмъ“, но умѣла и необыкновенно остроумно воспѣвать плоды примѣненія его на дѣлѣ, не стѣсняясь, конечно, въ выборѣ красокъ.

Примѣчанія.

Примѣч. 1-е (къ стр. 12 ѱ). Царь для Русскаго человѣка есть представитель цѣлаго комплекса понятій, изъ котораго само собою слагается, такъ сказать „бытовое“ Православіе. Въ границахъ этихъ всенародныхъ понятій Царь полновластенъ; но его полновластіе (единовластіе)—Самодержавіе—ничего общаго не имѣетъ съ абсолютизмомъ западно-кесарскаго пошиба. Царь есть „отрицаніе абсолютизма“ именно потому, что онъ связанъ предѣлами народнаго пониманія и міровоззрѣнія, которое служить той рамой, въ предѣлахъ коей власть можетъ и должна почитать себя свободной. Напримѣръ, народъ вѣрилъ (и вѣритъ доселѣ), что Царь, когда это ему кажется нужнымъ, думаетъ о великомъ государевомъ, земскомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Землею; въ этомъ онъ такъ увѣренъ, что ему никогда на мысль не приходило допытываться, достаточно или недостаточно Царь обращается къ Землѣ съ вопросами? Для него твердъ принципъ, одинаково твердый и для Царя, что совмѣстное думаніе есть условіе правильнаго теченія государственно-земскихъ дѣлъ; а когда и какъ Царь будетъ сдумываться съ народомъ, — это дѣло царское, — на то онъ Царь, чтобы знать и вѣдать, когда это нужно. Во всякомъ случаѣ вѣрно для народа то, что изъ тѣхъ рамокъ, которыя поставлены вѣрой и обычаями, Царь также мало можетъ выступить, какъ и онъ самъ (народъ-Земля). Вотъ, то представленіе о своемъ самодержавномъ Великомъ Государѣ, какое имѣла допетровская Русь и существующее доселѣ въ народѣ. Но сбривать бороды, предписывать покрой платья, переносить по произволу столицу, — никогда не представлялось входящимъ въ компетенцію русскаго Самодержавца. Какъ только-же взаимнѣ стараго начала преданія и того, что называлось „старина“, выкинуто было знамя „упраздненія всего этого хлама“ во имя новаго высшаго начала, болѣе культурнаго „l'état c'est moi“ *), тотчасъ начинается эра „принципiальнаго“ произвола, сначала воплотившагося въ громадной личности Петра **) — а отъ него усвоеннаго его преемниками и очень краснорѣчиво выраженнаго словами Императора Николая Павловича, съ указаніемъ на свою грудь — „все должно исходить только отсюда“. Такого изреченія не понялъ-бы, конечно, самый самодержавный изъ древнихъ Самодержцевъ. Но Римскій императоръ понялъ-бы и повторилъ-бы охотно, или, точнѣе, это — повтореніе того, что всегда говорили западные абсолютные монархи, большіе или малые Кесари. Для полнаго торжества личнаго „произволенія“, возведеннаго въ принципъ, въ начало, на которомъ долженъ отнынѣ почивать весь государственный строй, нуженъ былъ и соотвѣтственный „абсолютно произвольный“ государственный центръ. Ни Кіевъ, ни Владиміръ, ни Москва не были центрами произвольно выбранными: они созданы были своими областями или создали свои области; и потому были ихъ естественными центрами. Но теперь нуженъ былъ именно центръ эксцентричный, такъ какъ только таковой — „абсолютно искусственный“; и только та-

*) Сослужившая такую печальную службу наслѣдникамъ Людовика XIV и державѣ ихъ.

**) Какъ вѣрно опредѣлилъ дѣло Петрово глубокомысленный (лишь въ подробностяхъ) Ж. Ж. Руссо: „Pierre avait le genie imitatif, il n'avait pas le vrai genie. Quelques unes des choses qu'il fit étaient bien, la plupart déplacées. Il a d'abord voulu faire des Allemands, des Anglais quand il fallait commencer par faire des Russes. Il a empêché de jamais devenir ce qu'ils pourraient être en leur persuadant qu'ils étaient ce qu'ils ne sont pas“. („Du Contrat Social“, Chap. VIII).

ковой соотвѣтствуетъ направленію, выражаемому онымъ въ политикѣ государственной. Съ переходомъ столицы на берега Невы началась дѣйствительно новая эра въ государственномъ отношеніи: естественно сложившееся понятіе о Царствѣ Московскомъ и всея Руси замѣняется новымъ, Россійской Имперіи; въ нее втягиваются новые составные элементы и сразу она окрашивается не цвѣтомъ того народа, который создалъ упраздненное Царство — это было-бы остатками старой зависимости отъ традицій, упраздненныхъ монаршей волей, — а краской произвольно выбранной, нѣмецко-шведо-финской, т.-е. той, которая принадлежала малой, недавно пріобрѣтенной области, по близости отъ которой поставлена и столица съ нѣмецкимъ именемъ опять-таки даннымъ не спроста, а чтобы ясно показать, что Русь русскаго центра имѣть уже болѣе не должна. Ея центръ тамъ, гдѣ угодно „монарху“, и типъ его и названіе должны ясно свидѣтельствовать, что онъ не связанъ даже языкомъ съ народомъ Московіи. Такимъ образомъ, переродившись въ абсолютизмъ, Самодержавіе устроилось въ новой столицѣ своей, откуда оно могло, ничѣмъ уже не стѣсняемое, благоустроить государство по мѣркѣ собственнаго разумѣнія, почерпая свои духовныя и умственныя силы „ex sese“ и изъ того непосредственнаго просвѣщенія свыше, выразителемъ коего являлся „священный обрядъ“ коронаціи. Только съ XVIII вѣка этотъ обрядъ началъ возрастать и получилъ, наконецъ, значеніе, о которыхъ древняя Россія не имѣла подходящаго понятія. Москва осталась мѣстомъ совершенія этого обряда, вѣроятно, не изъ уваженія къ ея святынямъ и не вслѣдствіе уваженія къ самой Москвѣ, а для того, чтобы столь практически важное для возвеличенія „абсолютизма“ церковное дѣйствіе совершалось не въ сравнительно глухомъ закоулкѣ а въ наиболѣе видномъ пунктѣ государства. Возрѣніе на власть, насажденное Петромъ, не измѣнилось и до нашихъ дней. Краснорѣчивый и ученый выразитель Петербурго-Русскаго направленія и крупный государственный дѣятель послѣднихъ лѣтъ, К. П. Побѣдоносцевъ, выражаетъ ясно это нео-русское представленіе о власти такъ: власть „безгранична“ не въ матеріальномъ лишь смыслѣ, но и въ духовномъ... эта сила... „творчества“. Власти принадлежитъ и первое, и послѣднее слово, альфа и омега, въ дѣлахъ человѣческой дѣятельности“ *). При такомъ возрѣніи на власть смиренному, древне-Русскому Самодержавію, не считавшему себя ни альфой, ни омегой въ дѣлахъ человѣческой жизни, а только однимъ изъ факторовъ оной, да еще въ извѣстной ограниченной лишь области, — мѣста не оставалось. Безграничная **) власть не могла уже оставаться въ границахъ Русскаго народнаго пониманія; она стала выше узкихъ традиціонныхъ понятій Московіи и создала Имперію, этотъ „театръ творческой безграничной (слѣдовательно уже не народной, ибо народность есть несомнѣнное ограниченіе) власти“, творящей все собою и изъ себя, — конечно, на благо своихъ разнообразныхъ подданныхъ, но по собственному лишь усмотрѣнію, а не какъ выразительница взглядовъ, понятій и вѣрованій своего народа.

Но абсолютизмъ, какъ начало, какъ идеаль въ дѣлахъ человѣческихъ, такъ-же недостижимъ, какъ и всякій идеаль: дѣйствительность скоро вводитъ его въ границы concreta: одинъ лишь видъ ограниченія замѣняется другимъ. Самодержавіе всегда считало себя ограниченнымъ, а безграничнымъ только условно, въ предѣлахъ той ограниченности, которая истекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ „народности“ и „вѣры“. Оно жило въ народѣ и въ Церкви. „Абсолютизмъ“ сталъ выше ихъ обоихъ. Эти границы онъ прорвалъ, но за то незамѣтно подпалъ закону ограниченности въ другомъ, худшемъ видѣ — ограниченности не органической (слѣдовательно не стѣснительной), а внѣшней, т.-е. матеріальной и потому дѣйствительно тягостной, ибо все внѣшнее до нѣкоторой степени враждебно. Пока власть лишь направляла живое

*) „Моск. Сборникъ“, 248—249 стр.

**) Всякому понятна разница между „безграничною“ и „неограниченною“ властью. Первое касается ея *существа*, а второе — лишь *проявленія*.

тѣло органически сложившагося, органически живущаго государства, она связывалась съ нимъ закономъ живаго взаимодействія. Но разъ она отрѣшилась отъ понятій взаимодействія и перешла въ область чистаго творчества, ей поневолѣ пришлось искать и придѣлывать себѣ органы творчества, искусственные зубы, руки и ноги. Она воображала, что эти искусственные члены будутъ для нея лишь чисто служебныя орудія, безвольныя и безмысленныя, надъ которыми она будетъ только властвовать, но съ которыми ей считаться не будетъ надобности. На дѣлѣ-же вышло все иное. Всякое внѣшнее орудіе, какъ-бы оно ни было полезно, есть всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсненіе; но чѣмъ болѣе орудіемъ внѣшнимъ служить живое существо (слѣдовательно, имѣющее собственную волю), тѣмъ болѣе оно воздѣйствуетъ само на заправляющаго, подчиняясь ему, но и подчиняя его себѣ до извѣстной степени. Внѣшнимъ орудіемъ абсолютной власти являются такъ называемые чиновники. Хотя они неизбежны при всякой формѣ правленія, но въ государствѣ, гдѣ всѣ части другъ съ другомъ связаны органически, они, составляя изъ себя живой органъ, остаются (болѣе или менѣе) въ предѣлахъ имъ свойственныхъ и слѣдовательно полезныхъ. Разъ-же они обращаются въ механическія (но живыя) орудія власти, для нихъ и для народа внѣшней, они начинаютъ жить своею собственною жизнью и „для себя“; ибо они чувствуютъ себя обособленными, отрѣшенными, только живой машиной, и слѣдовательно получаютъ свои собственные интересы самосохраненія, питанія, размноженія, какъ всякое отдѣльное въ себѣ замкнутое существо или корпорація. Только „дѣловая“ связь соединяетъ чиновничество-бюрократію съ ея хозяиномъ *). Она на него работаетъ, но главное — она себѣ довлѣетъ, ибо ей не съ кѣмъ другимъ единиться, будучи отрѣшенной отъ общей жизни народа, для власти-же только являясь орудіемъ. Сначала въ должность чиновниковъ по новому образцу возведены были служилые люди прежняго „режима“ **). Они, обученные по-европейски, вооруженные для вящей ревности къ службѣ и для еще большаго отчужденія отъ народа, „усовершенствованнымъ“ помѣщичьимъ правомъ — казались сначала довольно хорошо вошедшими въ свою новую роль исполнителей „абсолютныхъ“ велѣній. Но однако, по мѣрѣ того, какъ общее имъ право владѣнія крестьянами стало въ нихъ вырабатывать и нѣкоторую самостоятельность, они постепенно стали все болѣе и болѣе неудобными орудіями, и неудобными во всѣхъ отношеніяхъ. Для власти, желавшей видѣть въ нихъ только машины ***) , они стали недостаточно безвольны; а для народа они явились сословными эксплуататорами, и слѣдовательно крайне нелюбезными. Полный расцвѣтъ дворянскаго чиновничества совпадаетъ съ царствованіемъ Екатерины II. Съ этого-же времени (т.-е. собственно съ Александра) все болѣе и болѣе дворянское сословіе становится нелюбо власти, и, въ концѣ концовъ, власть упраздняетъ его стѣснительныя для себя услуги: освобождая крестьянъ, она освобождаетъ себя отъ дворянъ и возвращаетъ все къ идеалу давно искомому, „абсолютизма полнаго“ съ безгласнымъ орудіемъ бюрократіи для своего правительственнаго творчества. Но именно тутъ-то всего нагляднѣе представилась воочію всѣхъ и самой власти вся утопичность такихъ абсолютныхъ мечтаній. Родилась настоящая бюрократія. Полное развитіе бюрократіи начинается съ освобожденія крестьянъ, которому она въ собственныхъ видахъ (хотя и не безъ идеальныхъ мотивовъ) усиленно содѣйствовала ради устраненія дворянства. Не только самое устраненіе дворянства отъ прежней по-

*) Паскаль хорошо опредѣляетъ различіе отношеній ко власти: внутреннее — органическое, народное, при которомъ цари являются *rois de la charité* (т.-е. связаны началомъ любви съ подданными) и внѣшнее — утилитарное, при которомъ Цари являются—*rois de la concupiscence*, т.-е. царями для эксплуатаціи.

***) Бывшіе прежде чиновниками-же, но по старому порядку органической связи съ царемъ и съ народомъ.

***) Павелъ Петровичъ почиталъ помѣщиковъ только своими полицеймейстерами.

литической роли нужно было бюрократіи для очищенія мѣста, но ей нужно было положить конецъ той патріархальной формѣ государственнаго быта, которая основывалась на всеупрощающемъ крѣпостномъ правѣ, для того, чтобы завести *сложный* государственный механизмъ, для функціонированія коего необходимъ и опытный механикъ, бюрократія. Въ этомъ новомъ строѣ выразилась идея абсолютизма, но въ своеобразномъ видѣ. Абсолютный, т.-е. отъ народа отрѣшенный Государь, заслоняется абсолютной бюрократіей, которая, создавъ безконечно сложный государственный механизмъ, подъ именемъ Царя, подъ священнымъ лозунгомъ *Самодержавія*, работаетъ по своей программѣ, все разрастаясь и разрастаясь и опутывая, какъ плющъ, какъ Царя, такъ и народъ, благополучно другъ отъ друга отрѣзанныхъ Петровскимъ началомъ западнаго абсолютизма. Лозунгъ бюрократіи не „divide et impera“, но „impera quia sunt divisi“. Конечно, было-бы несправедливо (и даже смѣшно) подозрѣвать бюрократію, состоящую въ большей своей части изъ людей вполне достойныхъ, въ какихъ-либо сознательно злыхъ цѣляхъ: она, несомнѣнно, въ мѣру возможности, не прочь быть полезной; она даже старается быть таковой; и только потому не можетъ, что тоже абсолютна, т.-е. отрѣшена отъ живой связи съ народомъ: *она абстрактна*. Всѣ ея цѣли, все ея пониманіе, вся ея дѣятельность только „умозрительнаго свойства“. Не имѣя почвы подъ собою, она витаетъ въ эмпирѣ благонамѣренности, въ которомъ живое отсутствуетъ, а все только схемы: есть схематическій Царь и такой-же народъ, который схематически приводится къ благоденствію ея — одною существующею *in concreto*. Изъ этого выходитъ очень забавный (было-бы смѣшно, когда-бы не было такъ грустно) фактъ: бюрократія *in concreto*, все доводитъ до совершенства; а сами бюрократы, какъ отдѣльныя личности, ее бранятъ нещадно; такъ что нигдѣ нельзя найти столь злой критики всего, что дѣлается, какъ въ средѣ этихъ самыхъ бюрократовъ, и особенно въ томъ городѣ, который названъ весьма мѣтко бывшимъ министромъ Финансовъ „центръ бюрократіи“ *).

Примѣч. 2-е (къ стр. 27-й). Нѣкоторыя земскія собранія высказались недавно за допущеніе женщинъ къ участию въ избраніи гласныхъ и къ принятію званія таковыхъ. За симъ, конечно, долженъ послѣдовать и „вотумъ“ о допущеніи женщинъ къ прохожденію должностей членовъ земскихъ управъ и предсѣдательницъ таковыхъ. Остановка на полпути, конечно, только временная. Земскіе сторонники расширенія правъ женщины основываютъ свои доводы на соображеніяхъ о равноспособности къ общественному дѣлу обоихъ половъ. Способности равныя, слѣдовательно и истекающее изъ этого право примѣнять таковыя—равное. Практически этотъ вопросъ не важенъ: женщины, *in concreto*, едва-ли много выиграютъ отъ предоставленія имъ участвовать въ дѣлѣ, которымъ настолько тяготятся мужчины, что на выборахъ большинство отсутствуетъ, а избранныхъ въ гласные законъ долженъ понуждать взысканіями къ прохожденію взятой на себя обязанности. Но дѣло идетъ, конечно, о принципѣ: надо раскрѣпостить женщину, уровнять въ правахъ, постепенно стереть послѣдніе слѣды „монгольщины“ и т. д. Въ принципиальномъ отношеніи, и только въ этомъ, интересны постановленія высказавшихся въ этомъ смыслѣ земствъ. Нельзя возражать противъ допущенія женщинъ къ общественной дѣятельности тѣмъ, что „де“ онѣ менѣе мужчинъ способны къ общественнымъ дѣламъ. Кто-же не знаетъ, что есть много очень дѣловитыхъ женщинъ и что не всѣ мужчины дѣловиты?

*) Въ запискѣ по поводу вопроса о введеніи земскихъ учреждений въ Зап. краѣ, составленной по указаніямъ ст. секр. Витте, Петербургъ въ началѣ записки выставляется какъ столица Императора, но въ концѣ онъ уже превращается въ центръ бюрократіи, противодѣйствіе коей ставится въ вину земству, которое между тѣмъ есть продуктъ и достойное дѣтище бюрократіи.

Даже Аристотель, раздѣляя людей на рожденныхъ для власти (Эллиновъ) и рожденныхъ для подначалія (варваровъ), оговорился, что на дѣлѣ это раздѣленіе не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если избраніе гласныхъ, участіе въ земскихъ собраніяхъ и т. д. составляетъ „право“, то, конечно, несправедливо лишать женщинъ этого права. Женщина можетъ у насъ царствовать, а „гласной“ быть не можетъ! Еще въ древнемъ Египтѣ равноправіе женщинъ было почти полное; у насъ-же его нѣтъ даже въ такихъ дѣлахъ, какъ вышеупомянутое! Разъ земство себя считаетъ „обладателемъ правъ“, которыми то хочетъ, то не хочетъ дѣлиться съ женщинами, оно этимъ самымъ открываетъ *свое пониманіе себя самого*, и въ этомъ-то отношеніи постановленія земскихъ собраній по женскому вопросу представляютъ серьезное значеніе. Въ Западной Европѣ весь государственный строй заключается въ уравниваніи правъ; права короны, съ одной стороны; права народа, съ другой, въ лицѣ сословій, корпорацій, личностей и т. д. Тамъ, гдѣ государственный строй сложился на началѣ борьбы, на почвѣ завоевательной, тамъ эта точка зрѣнія *абсолютно* правильна, и тамъ вполне законно ставить вопросъ о распространеніи правъ на такихъ-то, объ умаленіи правъ короны и расширеніи правъ народа, или наоборотъ. Но годится-ли такое пониманіе въ средѣ такого народа, который никакую власть иначе не понимаетъ, какъ носительницу общественной тяготы, а не „обладательницу правъ“? Даже высшую власть у насъ народъ понимаетъ не какъ наиболѣе изобилующую правами, а какъ наиболѣе отягощенную обязанностями: „О, тяжела ты, шапка Мономаха!“ Въ странѣ, гдѣ власть явилась не какъ результатъ борьбы, а какъ органической элементъ народной жизни, понятія о правахъ иныя, чѣмъ тамъ, гдѣ безъ закрѣпленія за собою таковыхъ жить нельзя. Всѣ права, даже высшей власти, по русскому пониманію, опредѣляются тѣми границами, которыя соотвѣтствуютъ ея обязанностямъ; таковыя-же у высшей власти настолько велики, что ихъ можно осуществить лишь при условіи совершенной неограниченности—при условіи, слѣд., „Самодержавія“. Съ этой-же точки зрѣнія разрѣшается и вопросъ объ участіи женщинъ въ престолонаслѣдіи. Не въ томъ дѣло, когда женщина *имѣетъ право* быть царицей; а въ томъ, когда нельзя обойтись безъ того, чтобы ей царствовать для достиженія правильнаго, положимъ, теченія, принципа нисходящей преемственности: иначе—когда и женщинѣ, наравнѣ съ мужчиной, приходится становиться на чреду царственнаго служенія? Если-бы земскія собранія понимали вещи такъ, какъ ихъ понимаетъ самъ народъ, то они поставили-бы слѣдующій вопросъ: нужно-ли отвлекать женщинъ отъ ихъ женскаго дѣла для несенія тяготы, которую пока справляютъ одни мужчины? Если мужчинамъ не подъ силу земское дѣло, то, конечно, надо привлечь и женщинъ. Но вѣдь затѣмъ долженъ наступить чередъ и другимъ вопросамъ однороднымъ: вопросамъ о правѣ быть присяжными (это тоже—такое право, за непользованіе коимъ законъ караетъ чувствительно), о правѣ защищать отечество въ рядахъ арміи. Для простаго Русскаго человѣка всѣ эти вопросы давно разрѣшены: когда необходимо—бабы дѣлаютъ всякую работу, даже мужскую—въ случаѣ чего и за дреколя берутся. Но никто этого не почитаетъ „правомъ“, и, когда можно, женщину не отягощаютъ неподходящимъ дѣломъ, зная, что у нея своего дѣла безъ конца; а главное—такого, которое ей поручила сама природа и которое, при всемъ желаніи, переложить на мужчинъ невозможно.

Примѣч. 3-е (къ стр. 31-й). Для признанія *jus divinum* главы государства необходимо признавать и нѣкую божественность самого государства. Римъ передъ этимъ не стѣснялся: его обоготворенная Рома вполне гармонируетъ съ идеей *divi Caesaris*. Отъ Рима языческаго, путемъ эволюціи, произошла Свящ. Римская Имперія Среднихъ Вѣковъ, съ священнымъ главою—императоромъ. Споръ между императоромъ и папою происходилъ не изъ-за принципа, а изъ-за подробности, весьма впро-

чемъ важной: прямо-ли вручаетъ Небо корону и мечъ императору, или чрезъ преемника Петрова? Основной взглядъ на священность государства по существу особенно наглядень въ протестантизмъ Лютера, Кальвина и англійскихъ реформаторовъ. Доказательство этому: *cujus regio, ejus et religio*; Кальвино-Ноксовскій теократизмъ и наконецъ *Establisched Church*.; а въ концѣ-концовъ *la culte de la Raison et celui de l'Être Suprême*. Само появленіе *Contrat Social* есть только попытка, временно удавшаяся, свергнуть ученіе о божественномъ началѣ государства, но кончившаяся однако возвращеніемъ къ той-же идеѣ, но въ извращенномъ видѣ абсолютнаго значенія государства, расцвѣтъ коей теперь особенно наглядень во Франціи. Въ Россіи священность государства признавалась-ли когда? А безъ нея и *jus divinum* едва-ли имѣеть корни въ народномъ самосознаніи.

Примѣч. 4-е (къ стр. 32-й). Отъ этого управленіе государствомъ по системѣ Петра явилось прежде всего для народа посягательствомъ на его „свой бытъ“, т.-е. на его *свободу*. Такой характеръ эта система сохранила и до днесь, несмотря на видоизмѣненіе ея акциденцій. И такъ какъ эта-же система создала теперешній образованный слой, состоящій изъ „общества дворянскаго характера“, „общества—интеллигенціи“ и „интеллигенціи чистой“, то понятно, что таковой, хотя и мечтаетъ о низверженіи случайной формы этой системы, „бюрократической“; тѣмъ не менѣе несколько и не думаетъ упразднить ее по существу (субстанціи). Интеллигенты толкуютъ „о свободѣ“, противопологая ее теперешнему бюрократическому абсолютизму; но самую свободу они понимаютъ не въ смыслѣ возвращенія народу возможности свободы жить по „своему быту“, а только какъ перенесеніе съ бюрократіи на себя права заставлятъ народъ жить по ея, интеллигенціи, указкѣ. Все дѣло сводится къ дарованію свободы интеллигенціи. Но изъ этого ничего выйти не можетъ: у интеллигенціи „своего быта“ нѣтъ; она лишь отрицаніе, разсудочное разложеніе умственной критикой, не считающейя съ другими сторонами духа человѣческаго, существующаго порядка въ поискѣ за всяческими абсолютами. У нея свободы быть не можетъ, а лишь одно *своеволие: произволъ резонирующаго разсудка*. Та свобода, о которой толкуютъ интеллигенты, есть не положительное, а отрицательное понятіе. Она у нихъ переводъ съ иностраннаго *liberté—Freiheit* (что сродно, между прочимъ, слову *Frech—разнузданный*). Посему Шопенгауеръ и Хомяковъ оба почитаютъ въ этомъ смыслѣ *свободу* за понятіе отрицательное: уничтоженіе путь-преградъ. Но свобода—*liberté* ничего не создаетъ и не создастъ, если она не имѣеть у себя субстрата, положительнаго содержанія, „своего быта“; и въ этомъ смыслѣ Христіанство учитъ свободѣ о Христѣ, т.-е. о такомъ состояніи, при которомъ человѣкъ самъ по себѣ, безъ внѣшняго побужденія живетъ о Христѣ. Но свобода, понимаемая по интеллигентному, т.-е. по одному разсудку, а не по полнотѣ жизни, будучи лишь отрицаніемъ, производитъ только отрицаніе *in aeternum*; и ничего изъ себя не можетъ произвести кромѣ анархизма, который раздвояется въ „пассивное отрицаніе“ и „въ активное насиліе“, Толстовщину или бомбизмъ; — практическое выраженіе Нитчеанства и его сверхчеловѣка. Сверхчеловѣкъ относится къ простому человѣку пренебрежительно, какъ къ средству для его личныхъ цѣлей — похотей. Вся интеллигенція (бюрократія въ томъ числѣ) почитаетъ себя, по отношенію къ массѣ, „сверхчеловѣческой“; и потому твердо и даже благодушно-наивно убѣждена, что таковая и должна быть у нея въ послушаніи и рабствѣ. Изъ оной массы могутъ тоже выходить сверхчеловѣки; но таковые будутъ причисляться по мѣрѣ появленія къ сонму правящей интеллигенціи, лозунгъ которой свобода для нея (своеволие), а для народа слѣпое повиновеніе. Не даромъ насадитель этого всего у насъ былъ Петръ, настоящій типъ сверхчеловѣка, и ему, какъ таковому, вполнѣ приличествуетъ титулъ Великаго.

ИЗДАНІЯ С. Θ. ШАРАПОВА:

Восточные цвѣты. Избранныя произведенія славянскихъ, мадьярскихъ, финскихъ, румынскихъ и греческихъ писателей въ русскомъ переводѣ. Первые 10 книжекъ переведены лично С. Θ. Шараповымъ.

Сербы: 1) У Колодца. Разсказъ Лазо Лазаревича. 2) За народомъ не пропадетъ. Его-же. 3) Латинчева женитьба. Разсказъ Симо Матавуля. 4) Дядя Пера. Разсказъ Янко Веселиновича. **Поляки:** 1) Богъ смерти не даетъ. Разсказъ Маріи Конопницкой. 2) Ануся. Ея-же. 3) Тетя. Ея-же. **Мадьяры:** 1) Добрякъ. Разсказъ Коломана Миксата. 2) Дуэль. **Куклы маленькой царевны.** Его-же. **Хорваты:** 1) Василева любовь. Разсказъ Венцеслава Новака. Цѣна каждаго выпуска 5 к. Вся коллекція 50 к.

СУЩНОСТЬ БРАКА.

Обмѣнъ мыслей между Н. П. Аксаковымъ, Мірянинимъ, В. В. Розановымъ, Рцы, протоіер.

А. У—скимъ и С. Θ. Шараповымъ, съ прилож. статьи свящ. М. И. Спасскаго.

Собрано, снабжено примѣчаніями и предисловіемъ, проредактировано и издано **СЕРГѢЕМЪ ШАРАПОВЫМЪ.**

Содержаніе: Предисловіе. **Рцы:** Тексты перепуталъ! (Письмо къ С. Θ. Шарапову) **Свящ. М. И. Спасскій:** Левъ Толстой и христіанскій бракъ. (Внѣцерковное собесѣдованіе). **Рцы:** Бракъ и святые Отцы. **В. В. Розановъ:** Бракъ и христіанство. (Переписка съ протоіереемъ А. У—скимъ). О В. В. Розановѣ и его религіи брака. (Три письма къ редактору „Русскаго Труда“). I. Письмо протоіеря А. У—скаго. II. Письмо Мірянина. III. Замѣтка **Рцы.** **Рцы:** Ad hominem. **Протоіерей А. У—скій:** Бракъ и дѣвство. (Письмо къ В. В. Розанову). **В. В. Розановъ:** Мірянинъ „Мірянину“—о боляхъ міра и о загрязненіи міра. **С. Θ. Шараповъ:** Шесть главъ отдѣла „По душѣ“. **СII.** Нѣсколько словъ моимъ оппонентамъ по вобросу о бракѣ. Русскій споръ. Взгляды гг. Розанова, протоіеря У—скаго и Рцы. **СIII.** Основная мысль христіанства. Борьба за свободу и плотская любовь. Драма Алексѣя, Божьяго челоука. Почему онъ ушелъ въ брачную ночь? **СIV.** Какъ совмѣстить „грязь“ и „тайнство“? Власть рода. Влюбленность. Идеальная сторона въ отношеніяхъ влюбленныхъ. **СV.** Теорія моихъ оппонентовъ. Формула „аппетита“ **Рцы.** Наслажденіе, какъ основной элементъ нашего брака. Неизбѣжные выводы. **СVI.** Христіанская нравственность и нашъ эгоизмъ. Беременность. Кормленіе. Почему женщина отказывается отъ кормленія? Два случая. Религія и фізіологія. **СVII.** Мірянинъ въ бракѣ и монахѣ. Много-ли „свободы“ первому въ нормальномъ бракѣ? Чистый бракъ и чистые люди. Влюбленность и первое сближеніе. Неудача метафизики Вл. С. Соловьева. Идея тайнства брака. „Крейцера соната“ Толстого и наши съ нимъ разногласія. **Н. П. Аксаковъ:** О бракѣ и дѣвствѣ. **Рцы:** Безсмертные вопросы. **В. В. Розановъ:** Замѣтки на статью Рцы: „Безсмертные вопросы“.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ in 4° съ портретами гг. Н. П. Аксакова, В. В. Розанова, Рцы (И. Θ. Романова) и С. Θ. Шарапова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Русская реклама. Ал. Веригина. Ц. 10 к.

М. Г. Черняевъ (съ портретомъ). Ц. 5 к.

Капиталы и долги. Г. В. Бутми. Ц. 20 к.

Деньги земледѣльской страны. А. Фролова. Ц. 20 к.

Сѣверный морской путь. В. Кельина и Н. Чукмалдина. Ц. 20 к.

О русскомъ церковномъ управленіи. 12 статей въ газетѣ „Русь“ 1882 г. протоіеря А. М. Иванцова-Платонова, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Ц. 40 к. (Все разошлось. Приобрѣтаемые экземпляры отъ букинистовъ продаются по 1 р.).

Теорія государства у славянофиловъ. Сборникъ статей И. С. Аксакова, К. С. Акса-

кова, Аѳ. В. Васильева, А. Д. Градовскаго, Ю. Θ. Самарина и С. Θ. Шарапова. Ц. 50 к.

Притязанія Германіи на турецкое наслѣдство. Ц. 10 к.

Ложь. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. Елены Зеландъ-Дуббельтъ. Ц. 40 к.

Македонскій вопросъ. Іов. Поповича-Липовца, съ пред. Сергѣя Шарапова. Ц. 10 к.

Вопросъ о валютѣ на Орловскомъ Сельско-Хозяйствен. Създѣ, съ предисловіемъ Сергѣя Шарапова. Ц. 1 р.

Женская преступность. Н. Зеланда. Ц. 20 к.

Вопль голодающаго интеллигента. Ц. 20 к.

Что дѣлать молодой Россіи? П. П. Сокальскаго. Ц. 40 к.

УЧЕБНЫЙ ГЛОБУСЪ ЗЕМНАГО ШАРА

на 4 листахъ плотной бумаги, исполненн. красками, для разрѣзыванія и склеиванія съ подробнымъ наставленіемъ. Діаметръ 6¹/₂ вер. Надписи русскія по курсу географіи Смирнова. Незамѣнимъ для школъ и домашн. обученія. Цѣна 50 коп.

Выписывающіе изъ склада при **Конторѣ Изданій С. Θ. Шарапова**, или чрезъ редакціи: газеты „Русское Дѣло“ или журнала „Пахарь“ (Москва, Скатертный переулокъ, д. Муромцева) за пересылку не платятъ. При отправкахъ съ наложеннымъ платежемъ взыскивается 10 коп. съ каждой отправки на сумму до 5 рублей и свыше этого 20 коп.

НОВАЯ МОДЕЛЬ

№ 6.

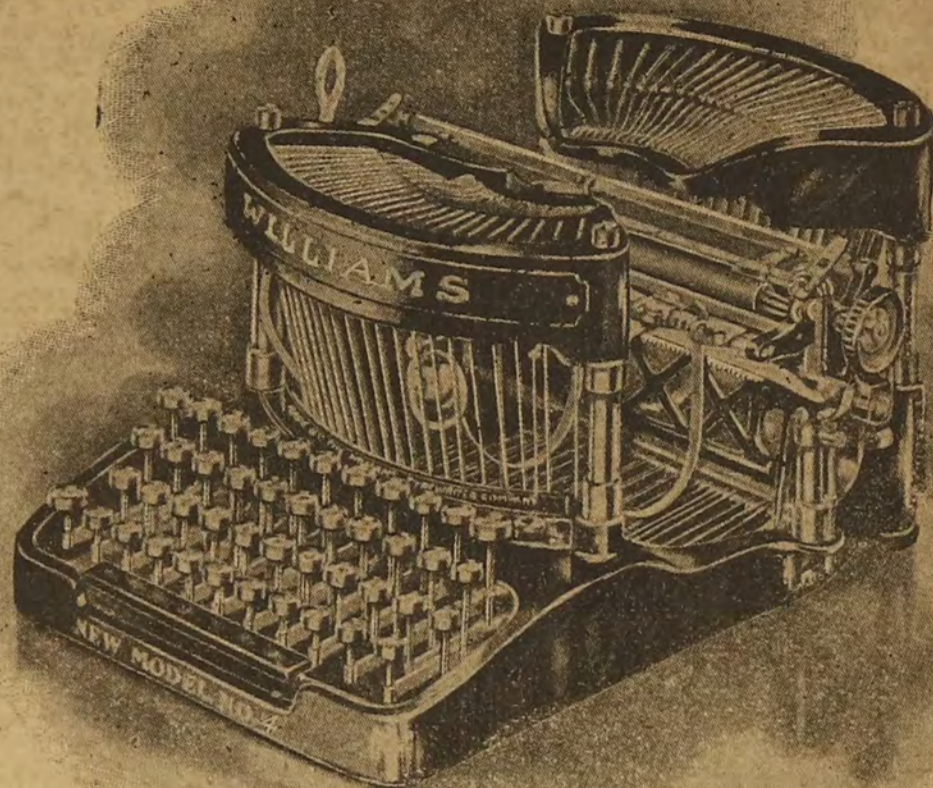
ВЫПУСКА

1905 года

≡ Ц Ъ Н А ≡

265 Р.

Послѣднее слово техники.

АМЕРИКАНСКАЯ СКОРОПИШУЩАЯ МАШИНА „ВИЛЬЯМСЪ“

Машина эта смѣло рекомендуется, какъ самая совершенная изъ всѣхъ существующихъ образцовъ.

Видѣть въ работѣ можно въ Конторѣ „Русскаго Дѣла“ въ будніе дни съ 10 ч. до 5 веч.

ПРЕИМУЩЕСТВА МАШИНЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Работа вся идетъ на виду и исправленіе ошибокъ очень легко.

2) Машина работаетъ краскою, т.-е. безъ ленты, что даетъ гораздо большую чистоту и позволяетъ большую компактность шрифта безъ ущерба для четкости. Поэтому имѣются машины съ разными шрифтами: обыкновеннымъ, преимущественно для частныхъ лицъ, и болѣе крупнымъ (размѣръ Ремингтона) для правительственныхъ учреждений и конторъ.

3) Благодаря отсутствію деревянныхъ частей и простотѣ конструкции «Вильямсъ» гораздо прочнѣе и служитъ дольше.

4) Благодаря наглядности работы, она идетъ гораздо быстрѣе. Мысль не отвлекается, поднимать каретку, чтобы прочесть написанное, не нужно. Особенно хорошо и удобно исполняются цифровыя и табличныя работы.

5) Благодаря письму безъ ленты, получаются прекрасныя копии, гектографическія и литографическія оттиски. Можно сразу писать въ пяти и болѣе экземплярахъ, употребляя тонкую писчую и переводную (угольную или цвѣтную) бумагу.

6) Стоимость ленты остается въ экономіи, такъ какъ краска не стоитъ почти ничего, до того мало ее идетъ (1 флаконъ въ 1 р. 25 к. хватаетъ на годъ).

7) Какъ-бы продолжительно ни служила машина, ея письмо никогда не сдѣлается неровнымъ, благодаря «направителю», заставляющему литеры ударяться въ определенное мѣсто.

8) Клавиатура общеупотребительная, русская и иностранная, а потому тотъ, кто раньше работалъ на Ремингтонѣ, переучиваться не будетъ.

При машинѣ прилагаются **бесплатно**: наставленіе, отвертка, игла для подъема шрифта, кусокъ замши, щетка и кисточка для чистки, флаконъ масла и флаконъ краски.

Изъ множества отзывовъ:

Отъ Самарскаго Отдѣленія Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка. (4 мая 1902 г. № 3081).

М. Г. Какъ Вамъ извѣстно, 5 марта с. г. Отдѣленіе получило отъ Васъ скоропишущую машину системы «Вильямсъ», на каковой производится, за малымъ исключеніемъ, вся переписка Отдѣленія, достигающая до 9.000 исходящихъ №№ въ годъ. Въ срокъ (съ 5 марта), болѣе, чѣмъ достаточный на испытаніе машины, Отдѣленіе усмотрѣло, что она отличается прочностъю, легкостъю въ работѣ и яснымъ текстомъ, облегчающимъ зрѣніе. Насколько отлична сама по себѣ конструкция машины и легко ознакомленіе съ ней, видно

изъ того, что работа на машинѣ производится исключительно однимъ 14-лѣтнимъ мальчикомъ.

Въ виду означеннаго, Отдѣленіе съ удовольствіемъ сообщаетъ Вамъ, Милостивый Государь, что выборъ машины системы «Вильямсъ» оно считаетъ вполне удавшимся.

Управляющій Д. Арбузовъ.

Пом. Дѣлопроизводителя К. Ломовцевъ.

Отъ Главнаго Штаба по Управленію Военныхъ Сообщеній (Отд. 3-е, 16 августа 1902 г. № 5997).

Доставленная Вами во ввѣренное мнѣ Управленіе на испытаніе пишущая машина системы «Вильямсъ» послѣ шестимѣсячной непрерывной работы оказалась во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающею вниманія и распространенія. При значительной прочності и простотѣ устройства и обращенія машина «Вильямсъ» имѣетъ, сравнительно съ другими системами, весьма существенныя преимущества, а именно: работая безъ ленты, непосредственно краскою, даетъ весьма ясный и чистый текстъ и вполне отчетливыя пресовыя копии, а также литографскіе переводы. Имѣя видный во время самой работы шрифтъ, позволяетъ обходиться безъ поднятія каретки, чтобы прочесть написанное, и этимъ значительно увеличиваетъ быстроту работы.

Нач. Управл. Генерал. Штаба Генералъ-Лейтенантъ (подп.) Левашевъ.

Нач. Отдѣленія Генер. Шт. полковникъ (подп.) Саввичъ.

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

пишущей машины «Вильямсъ», приобретаемая въ запасъ: Подушечки, пропитанныя краской: 1) фіолетовой не копирующей но пригодной для литографскихъ переводовъ на камень. 2) фіолетовой или черной копирующей (зеленая копіи), 3) фіолетовой гектографической «Шаннонъ» и 4) черной не копирующей за—пару 2 р. 50 к.

Краски для пропитыванія подушечекъ, тѣхъ-же качества и цвѣтовъ, за флаконъ 1 р. 25 к. Масло (спеціальное) за флаконъ 50 к.

Резинки круглыя по 20 к. (со щеточкой), химическая переводная бумага разн. цвѣтовъ по 7 и 10 к. за листъ; отвертки: длинная 50 к., короткая 25 к. и пр.

Машина съ принадлежностями и наставленіемъ высылается по ж. дорогѣ, или чрезъ трансп. учрежденія Конторою С. Ѳ. Шаропова (Москва, Снатертный пер., д. Муромцева) гг. иногороднимъ въ футлярѣ, упакованная въ ящикъ, за наличныя или наложеннымъ платежемъ, по полученіи задатка не менѣе 100 руб.